18+

ДРУГОМ БЫЛ БЕЗМОЛВНЫЙ БЮСТ

НАЦКИНА АЛЁНА

Алёна Нацкина

Её другом был безмолвный бюст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68533765
ISBN 9785005929532

Аннотация

Вся ее жизнь – протест против стандартов общества и шаблонов родной матери. Оксане стукнуло тридцать два, а мужем и детьми так и не обзавелась, периодически разговаривает с гипсовой головой, да еще и работает в такси.Однажды решает написать книгу о любимом дедушке, которого давно нет в живых, чтобы хоть как-то умерить чувство вины и придать значимости своему существованию. Только вот не предусматривает последствий.Как итог, она в лесу, ей страшно…

Содержание

Глава 1. Что дальше? 5
Глава 2. Она была отчаянно красива… 19
Глава 3. Козы покормлены 44
Глава 4. Апгрейд статуса самостоятельности 70
Глава 5. От любви до фикуса – один шаг 92
Конец ознакомительного фрагмента. 96

Её другом был безмолвный бюст Алёна Нацкина

Татьяна Шелестова *Дизайнер обложки*
© Алёна Нацкина, 2022
© Татьяна Шелестова, дизайн обложки, 2022
ISBN 978-5-0059-2953-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Их мне не навяжут, чужих пассажиров,
Сажаю я в поезд кого захочу.
Высоцкий, Поезд в пустыне

Глава 1. Что дальше?

Было ли ей страшно? Очевидно, что да. Она тихонько скулила, облокотившись на дерево, и проклинала день и события, которые стали отправной точкой возникновения столь бестолковой идеи в ее голове.

Это тот самый случай, когда понимаешь разумом – ничего не грозит, не нападут же, в самом деле, волки и медведи, но нервная система уже включает защитные механизмы, постепенно давая понять неизбежность прихода панической атаки. Ее угнетала даже сама мысль, что эта первая стоящая затея за последние годы, призванная придать смысла жизни, вроде великого назначения, провалилась с треском на первом шаге. Можно же было попросить кого-то из знакомых составить компанию в поездке, нет, зачем, в очередной раз стоило доказать всем, насколько не приспособлена ко взрослой жизни, а, на минуточку, стукнуло уже 32 годика.

В таком возрасте у большинства знакомых есть фотографии в социальных сетях со своей свадьбы, где невеста сияет как начищенный самовар, а жених скрепя сердце встает в очередную позу, дожидаясь спуска затвора фотографа. И, конечно же, как же без огромного количества снимков с пупсом: вот он сделал первый шаг, а здесь – празднует свой пятый День рождения, задувая свечи на торте немного беззубым ртом. Это именно та картина, которую она видела еже-

дневно в ленте, не понимая, то ли радоваться, что пока сей счастье обходит ее стороной, то ли завидовать, как у других все сложилось хорошо, у них есть продолжение в детях. В общем, осадочек все равно, как ни крути, не особо приятный.

Да еще от родителей, будто записанная двенадцать лет назад, лекция звучит практически на ежедневной основе в голове вместо будильника по утрам. Чему же она посвящена? Несомненно, теме, как мать ждет внуков, и как велика вероятность остаться в старых девах. Раз не вышло из доченьки успешной леди на высоких каблуках и в отглаженном костюме с настолько белой блузкой, что аж слепит глаза, то хоть о веселой старости родителей могла бы позаботиться, а то воспитали на свою голову эгоистку. Ей даже не удалось усмирить пыл матери подарком в виде умной колонки, готовой в любой момент скрасить досуг, а попытка была хорошая.

Ей 32 года исполнилось в этом году, она ничего выдающегося не успела сделать и особо не планировала, теперь хоть сумеет попасть в новостные местные группы как девушка, погибшая от страха ночью в лесу. Что ж, вполне себе реальная перспектива стать знаменитостью, хоть и гордости такое прославление не вызовет. Она уже представляла в своей голове заголовки, и ее, на удивление, подобные мысли успокаивали. Такие ехидные шуточки немного помогали расслабить мозг, в голове будто проходил Stand Up с ее участием. Не будь она немного застенчива по своей природе, то точно бы попытала счастье попасть на большие экраны, а ку-

рьезных историй в ее жизни – хоть отбавляй.

Кстати, эту испуганную то ли уже не девушку, то ли еще не женщину зовут Оксана. Ее имя было причиной огромного количества споров между родителями, причем на мужском сошлись вроде сразу – Александр, знаменитых личностей не счесть: Невский, Македонский, да еще и Пушкин, а вот с женским именем так просто не срослось.

Мама упорно стояла на имени, которое и носит сейчас наша героиня, а вот отцу оно категорически не нравилось, какое-то оно было не ласковое, грубое, черствое. Даже не мог придумать ему уменьшительно-ласкательную форму, фантазии хватало лишь на: Оксаночка, звучит длинно и немного коряво, Саня и Санечка – вообще никуда не годится. Как же с таким позывным можно без насмешек сверстников звать ребенка на обед домой, высунувшись в окно? Поэтому, обычно соглашающийся во всем со своей женой, он упорно продолжал предлагать иные имена. Активнее всего ратовал за имя Мария, имеющее множество вариаций. И тебе Машенька окликнешь, и Маня можно, Мари тоже ему нравилось. Была велика вероятность, что к ней во взрослом возрасте так станут обращаться, да и звучало оно как-то по-родному, мягонько.

Супруге же как пришло в голову имя Оксана, так и заело на нем, а ее переубеждать бесполезно. Вычитала в каком-то журнале про прирожденное лидерство у людей с таким именем, про неудержимость в достижении целей, так и уже рас-

планировала в своей голове всю жизнь ребенку. А что, кто не хочет успешной жизни своему чаду, еще и результатами потом можно перед родственниками и подругами хвастаться. А то все слушает на работе, как Иркин мальчуган в 4 года и читает по слогам, и считать до 100 умеет, и как маму во всем слушается. Жаль только для себя не разобрала что есть «успех», зациклилась на идеальной картинке и никого не хотела слушать, про категорию «счастье» вообще можно промолчать.

Стоит даже отметить, что выбор имени напрямую сказался на жизни ребенка, но только все тут было без какого-то романтического подтекста, а более прозаично – единолично его утвердили, единолично и вершили судьбу, диктуя каждый шаг. Поэтому вырвавшись из-под родительского крыла в 20 лет, Оксана была все еще абсолютным ребенком, не способным банально приготовить себе еду. Да-да, двенадцать лет назад доставка не так была развита, и откуда вообще студентке взять лишние деньги на такие изыски. Оплачивать коммунальные услуги тоже не умела, это вам не рассчитывать количество градусов в равнобедренном треугольнике, тут сноровка нужна, из-за чего первое время, снимая жилье, просто отдавала сумму из квитанций хозяевам квартиры. Благо понимающие были, вошли в положении девушки и периодически помогали, чем могли.

Вот и сейчас, уже столько лет, а спонтанность и непродуманность решений сводит ее иногда с ума. Как вообще при-

шла в голову мысль оставить машину на обочине и потопать к пункту назначения по тропинке через лес, это, между прочим, была ошибка номер один, будто зарисовка к очередному триллеру. Сеть на новом мобильнике перестала ловить через пару минут после того, как она воодушевленная и такая напористая начала свой квест, ступив на явно протоптанную огромным количеством людей тропинку, но подобная мелочь ничего не значит, Оксана прекрасно помнила нарисованную Яндексом извилистую линию, поэтому заблудиться даже не рассчитывала. Опрометчивым шагом стал и поздний выезд из дома, ведь, несмотря на то что на дворе стоял август, в чаще леса темнело рано, уже в семь вечера, а сгущение сумерек не сулило никакими положительными впечатлениями – это была ошибка номер два.

На всякий же случай, она перестраховалась и положила в объемный карман брюк цвета хаки перцовый баллончик, мало ли какие дураки на дороге встретятся, все-таки придется идти одной. Предполагалось, что весь путь через лес займет около двух часов, затем она найдет заветный дом, там точно будет сидеть и ждать ее уже вполне осязаемый незнакомец, а оттуда уже как-нибудь, включив всю свою дипломатичность и присовокупив к этому женское обаяние, найдет желающего отвезти за адекватные деньги до оставленного за лесом транспорта.

Возникает вполне логичный вопрос: раз туда не получается попасть на машине, то каким образом или, уместнее ска-

зать, чудом, удастся вернуться на четырех колесах к точке начала пешего маршрута? Однако в ее голове он не возник, бывает и такое, особенно когда большую часть жизни за тебя думают другие. Вроде все предусматриваешь: адрес найден, маршрут проложен, выкроено время на долгожданное приключение, кропотливо собран рюкзак и, конечно же, заплетены две косички, дабы волосы не лезли в глаза, но как-то сразу все идет не по плану.

Она шествовала по тропинке с гордо поднятой головой, наслаждаясь романтикой природы, чего так не хватало в городе среди кирпичных и бетонных махин. Тут же лучи солнца, преломляющиеся об ветки деревьев, создавали таинственный золотистый узор на земле. Благодаря тени не было ни жарко, ни душно, что позволяло комфортно идти к намеченной цели. Как можно не вдохновляться подобным пейзажем, похожий еще после покупки ноутбука установила себе на рабочий стол, сейчас же вживую можно было лицезреть такое чудо. Единственное, комары беспощадно кусали все незакрытые участки кожи, что периодами раздражало нашу героиню.

На третьем часу путешествия в ее голову начали закрадываться сомнения, а верно ли вообще она идет, поскольку маршрут, проложенный Яндексом, рассчитывался на меньший промежуток времени, а тут конца и края леса не видно, да еще и потихоньку начало темнеть. Оксана достала смартфон в очередной раз, но сеть так и не соизволила появить-

ся, а зарядка предательски заканчивалась. Обидно даже стало: заплатила такие деньжищи за гаджет, абонентскую плату снимают со счета каждый день эти жадные операторы, а, чтобы связаться с миром в лесу, хоть на елку лезь, даже фонариком не воспользоваться, если мобильник окончательно сядет. Тут она хотела повернуть обратно, поскольку вроде не сходила с запланированного пути, но прикинув, сколько по времени идти к машине, все же откинула эту мысль.

Темнота постепенно начала давить ей на глаза, в голове немного пульсировало, поскольку с ее близорукостью идти куда-либо без очков —сродни преступлению против своего организма, за что, если бы существовала полиция самосохранения, получила внушительный штраф. Наконец обреченно призналась себе: «Деточка, ты заблудилась». На такой случай у нее не было плана, во всех вариантах цель миссии успешно выполнялась, провал исключался.

Время на мониторе телефона неумолимо шло к ночи, и тут она начала плакать, нет, пока это была не истерика, лишь попадание первых искр в будущий костер. Пройдя еще пару метров и поняв, что до наступления рассвета ей вряд ли удастся выбраться из сложившейся переделки, Оксана решила пережить ночь, сидя под деревом на рюкзаке. Кричать и звать на помощь в такое время было бесполезно, к тому же, она боялась привлечь внимание кого-то нежелательного, к примеру, серийного маньяка, скитающегося по лесу в поисках жертвы, или разъяренного, голодного дикого

зверя, который, несмотря на все диеты, все же не откажется от позднего ужина. На маньяка у нее хоть был перцовый баллончик, а вот перспектива встретить волка приводила в ужас.

Было ли ей страшно? Невероятно. Настолько сильно, что все тело трясло, а руки в столь теплое время года отказывались согреваться даже после засовывания в карманы брюк. Знаете, похожее ощущение она испытывала, когда ждала маму с родительского собрания или, когда, сидя одна в квартире, слышала пугающие раскаты грома, по мощностям вряд ли уступающие взрыву бомбы под окном.

Оксана тихонько скулила, утирая слезы бумажным платочком и стараясь издавать как можно меньше звуков все по тем же причинам. Сейчас она остро ощутила одиночество, прочувствовала каждой клеточкой организма. В свои годы она ровным счетом ничего не добилась: не сделала карьеры, не завела мужа и детей, а друзей и подавно, холодные отношения с родителями, а сейчас еще и вляпалась как оставленный без присмотра на пять минут ребенок в передрягу.

Ей не к кому обратиться за помощью, когда она так нужна, да банально даже пожаловаться может лишь бездушному бюсту на старой прикроватной тумбочке, но и его рядом нет. Оксана росла привлекательной девушкой, ее не обделяли вниманием представители мужского пола, однако в семье ей сформировали столько комплексов, что тараканы в голове

постоянно восставали против серьезных отношений. И вроде в период с 20 до 32 лет у нее было четыре абсолютно разных по характеру и внешности мужчины, с тремя даже пробовали организовать совместный быт, попытки не увенчались успехом, провалившись с треском. Спустя какое-то время после расставания она анализировала причину конфликта, понимала ее несуразность и скромный масштаб, но в новых отношениях происходило аналогичное.

Лёша, первый серьезный кавалер, сделал ей предложение через три месяца после знакомства, влюбленный по уши в красавицу с длинными русыми волосами ниже лопаток и такими основательными взглядами на жизнь (тогда она еще была максималисткой, верящей в любовь до гроба и в работу по профессии после университета). Она с сияющими глазами согласилась, заявление в ЗАГС подали, началась предсвадебная суета со всеми вытекающими в виде бесконечных походов по салонам с платьями и перебора всех родных, которых знаешь и которых ни разу в жизни не видел, для заполнения на них приглашения на торжество.

Тут случилось непредвиденное – потеряла сумку с паспортом. Оксана поняла это как знак Вселенной и твердо изъявила желание повременить со свадьбой. Все были, мягко говоря, в шоке, но спорить не рискнули. А через месяц отношения между молодыми совсем разладились, ругаться начали по пустякам: то он ее мало обнимал, то ей казалось, что не уделял должного внимания, в общем, разошлись они как

в море корабли.

Дальше по списку – Саша, он учился на IT-специалиста, как раз заканчивал вуз. Молодой человек был старше Оксаны на 3 года, а мудрее, по ощущениям, лет на двадцать. С ним решили жить вместе через 4 месяца отношений, причем заранее обговорили – пока без свадьбы, лучше притереться для начала друг к другу. Девушка была по-настоящему счастлива рядом с ним – и окружал заботой ее (старался постоянно радовать хоть какими-то мелочами), и помогал делом или там советам, когда необходимо, да и, что таить, полностью устраивал ее в постели. Расцвела героиня рядом с ним, даже, не всегда успешно, но готовила, а если уж не выходило, то вместе смеялись над подгоревшими оладушками или слипшимися в кастрюле макаронами.

Так прошло 2 года, но молодой человек не спешил делать ей предложение, привык уже к устоявшемуся течению жизни. Оксану беспокоил такой расклад дел, поэтому периодически проскакивали упреки, односторонние обиды. Диалоги были на эту тему, Александр, приводя веские аргументы, объяснял, что штамп в паспорте ничего не поменяет в их отношениях, что это пережиток прошлого, где брак навязывался обществом. Она успокаивалась на время, потом пластинка заводилась заново. Не выдержали стальные нервы айтишника, поэтому решили обоюдно (практически) расстаться друзьями. Но все же мы знаем, что такое было маловозможно, девушки – существа гордые и немного злопамятные,

как итог – Саня без колебаний отправился в блок во всех социальных сетях, да и номер Оксана удалила из списка контактов.

Разрыв сильно сказался на девушке, стала еще более замкнутой, часто плакала дома в подушку, в гардеробе появились мешковатые вещи, да и улыбалась она редко, эдакая царевна Несмеяна двадцать первого века. Через пару месяцев все же удалось оклематься, но кошки все же скребли на душе.

Следующими ее избранниками стали Валерий и Толя, отношения с которыми продержались, соответственно, четыре и три года. Примечательного в этот период, ровным счетом, ничего не происходило, поэтому на них можно даже не останавливать внимание, стоит лишь отметить – физиология стала главной причиной сей союзов, и поговорить иногда с кем-то охота было. Брак она уже себе не ставила в цель, поэтому жили больше как соседи. Продолжалось до тех пор, пока ее не начинала особо бесить та или иная черта в спутнике, после чего девушка решительно ставила точку.

Хотя, постойте, все же одно важное событие в ее жизни пришлось на этот период – из жизни ушел ее любимый дедушка, который столь много сделал для нее. Так все прозаично – инсульт, и нет человека. Как же она тогда убивалась, впервые за долгое время ее отпаивали всеми возможными успокоительными, но прекращала она плакать лишь не небольшой промежуток времени, после чего слезы вновь

катились из ее опухших от постоянных рыданий глаз.

С ней рядом в тот сложный период были родители: мама аккуратно накрывала пледом ночью, отмеряла в ложку лекарства и следила, чтобы хоть изредка Оксана принимала пищу, а отец изо всех сил старался ее смешить, рассказывая все анекдоты, которые когда-либо слышал в своей жизни. Так две недели она жила с ними, потом опять неумелые намеки про внуков, и вновь напряжение вернулось в их отношения, поэтому девушка ретировалась обратно в съемную квартиру, дабы не мучить и без того расшатанную нервную систему.

Последние два года она основательно решила отдохнуть от всех перипетий в отношениях и посвятить всю себя работе и саморазвитию. Она вскоре привыкла приходить домой и видеть, еще стоя у подъезда, отсутствие света в квартире, это уже не давило. Распланированное течение жизни подарило возможность не бояться завтрашнего дня, да и факт, что апельсиновый сок, оставленный на утро, никто не выпьет, безмерно радовал.

Мысли о пережитых событиях отвлекали Оксану, помогая бороться ей с чувством безысходности, но паническая атака все же подкралась незаметно и напала на и без того напуганную девушку. Это спровоцировали какие-то звуки, доносившиеся недалеко от нее в кустах, что полностью парализовало сознание. Накрыло чувство страха, озноб в кистях усилился, тело начало трясти, девушка почувствовала стеснение в гру-

ди, хотя сердце ее никогда до этого не беспокоило. Она готова была умереть, лишь бы не растягивать пребывание в этом состоянии.

Мало-помалу ее начало отпускать. Помог обычный старенький брелок на ключах – фигурка Пикачу, которую еще лет в десять нашла в Kinder Сюрпризе, в коробке со сладким подарком на Новый год от дедули с бабулей. Заветное яйцо ей покупали крайне редко, только по праздникам, поскольку в семье лишних денег не было, а оно стоило достаточно дорого по тем меркам. Она пришла в восторг, когда открыла контейнер, и оттуда вывалилось желтенькое существо. Тогда как раз рекламировали по телевизору эту коллекцию, но героиня даже не мечтала найти самого популярного и особенного покемона, за которым охотились все ребята со двора.

Она хранила маленькую игрушку у себя на столе, где делала уроки, боясь выносить на улицу, чтобы не потерять. Лет в пятнадцать в магазине для рукоделия купила крючок для брелоков, пришла после школы домой, скинув рюкзак, уселась на свое компьютерное кресло и начала операцию по превращению. Аккуратно вкрутила в голову Пикачу крошечное приобретение, затем вытащила его обратно. Капнула клей в получившееся отверстие и примостила крючок на место, дабы ничего не отвалилось, после чего, сняв с ключей старую игрушку, закрепила на связку покемона.

Оксана так часто теребила талисман в руках, когда нервничала, что вся краска сползла с мордочки, но это никак

не сказывалось на эффективности подобных манипуляций. Если обратиться к психологии, то без труда можно понять – это жест-адаптер для героини, с помощью него она смещала центр внимания со стресса на нечто нейтральное или наделенное положительным смыслом. Так, можно заметить, как на публичных выступлениях спикеры часто касаются пуговицы на пиджаке или поглаживают себя по руке, это способствует расслаблению. Вот и в этом случае ужасно напуганная девушка автоматически взяла в руки связку ключей, стараясь абстрагироваться от давления темноты.

Что ж, придя немного в себя, она еще немного поразмышляла о том, как однообразна и бессмысленна ее жизнь, но пока глобальный план по исправлению ситуации не появлялся. Решила положить под голову рюкзак, чтобы хоть немного отдохнуть в горизонтальном положении. Организм настолько устал от пережитых треволнений, что она практически сразу погрузилась в сон. Нет, в нем не было красочных картин и судьбоносных встреч, лишь передышка перед неизвестными еще испытаниями, которые предстояли ей.

Глава 2. Она была отчаянно красива…

Ее разбудил звук, заставляющий содрогаться стены. Как она обожала открывать глаза под стрекот этого адского приспособления. Надев очки и посмотрев на часы, в очередной раз обратилась к небесам, чтобы оттуда на человечество скинули перфоратор с беззвучным режимом. Зато можно не ставить будильник, ведь ровно в 8:00 начинался всеобщий ремонт.

Это тот самый огромный, ничем не перекрываемый, минус проживания в не так уж давно сданном доме, где еще активным ходом идет ремонт. С утра муравейник оживает, и шум делает невозможным пребывание дома, благо в десяти минутах ходьбы есть сквер, а на его территории – небольшой пруд.

Лидия Александровна обожала ходить к нему, сидеть на лавочках, расположенных по периметру. Причем была у этой элегантной дамы своеобразная привычка: она постоянно меняла свое посадочное место, в зависимости от настроения с которым пришла. Влияло расположение духа и на выбор утреннего напитка. Отметим, что обязательной утренней процедурой была вылазка в кофейню, где она и покупала то латте с корицей, то капучино с мятным сиропом,

а уж когда настроение оставляло желать лучшего – неизменно уносила с собой американо, даже сахар порой не добавляя. К выпечке не так придирчиво относилась, поэтому раз за разом просила упаковать ей с собой лучшие во всем городе миндальные круассаны.

Со всей своей поклажей Лидия Санна, как к ней ласково обращались все знакомые, шествовала в сквер, где официально и начинался запланированный моцион. Усевшись поудобнее, она первым делом озирала все вокруг: в такое время людей практически не было, лишь заспанные мамочки гуляли вдоль парка с коляской да такие же, как она, старички, вытесненные, вероятно, из дома раздражающими звуками, тихонько что-то обсуждали между собой и изредка бросали семечки или хлеб местной ОПГ, состоявшей из откормленных голубей.

Старушка вытаскивала подаренный уже взрослыми детьми смартфон, которым овладела достаточно быстро, и начинала смотреть новости, заботливо выложенные в ленту каким-то невероятно ответственным человеком. Ее они не расстраивали, не пугали и не радовали, просто такая процедура, не более, чтобы быть в курсе, да и поддержать вовремя разговор с собеседником. Параллельно потягивала через трубочку ароматный кофе, заедая круассаном. Лидия Александровна восхищалась выпечкой из этой маленькой, но столь уютной забегаловки, потому что с утра все было стабильно исключительно свежее.

Затем она доставала очередную книжку, посылку с которой недавно ей доставили домой, и начинала с места, где остановилась прошлым утром. Последние четыре года в корзину на сайте попадали только экземпляры по психологии и психотерапии: как принять потерю, как начать выстраивать здоровые отношения с окружающими, где отыскать опору в себе, спастись от заблуждений и тд. Читая очередную книгу, она вновь убеждалась, что это пустышка, где нет спасительной пилюли, а все мысли давно изъезжены, просто скомпонованы по-другому, нежели у предыдущего автора. Большую часть информации старушка и так знала, еще до прочтения, все базировалось на житейском опыте и не упаковывалось в заумную обертку, но она продолжала покупать эту литературу снова и снова, надеясь получить ответ на мучивший ее вопрос.

Ей было 67 лет, но окружающие без лести всегда удивлялись, услышав эту цифру, максимум, который давали – 55. Лидия Санна всегда поддерживала тело в прекрасной форме, до 63 лет неизменно по утрам делала зарядку, а когда не ныло в коленях, даже выходила на утреннюю пробежку. Старушка излучала энергию, на которую тянулись люди, заинтересованные загадкой, как такое возможно: успевать все и вечером продолжать светить с той же силой. Многим казалось, что приди они в гости к ней ночью без предупреждения, то обнаружили бы уже накрытый стол и ее при полном параде, занимающуюся каким-то однозначно важным делом.

Секрет был прост: Лидия Александровна безмерно любила жизнь, наслаждалась каждым отведенным днем, старалась охватить как можно больше, поддерживая высокий темп. Только в последние четыре года немного сдала, изменив ритм, но на то были свои причины. Нет, не старость нагрянула неожиданно, а одиночество пожилого человека, с которым она силилась свыкнуться.

На ее внешнем виде это практически не сказалось: все та же идеальная прическа с аккуратно уложенными седыми локонами и образ, подобранный с иголочки. Она не переносила броских вещей, отдавая предпочтение элегантности, поэтому старушка носила исключительно костюмы. Юбка-карандаш традиционно была с завышенной талией и небольшим разрезом снизу, брюки тоже не на низкой посадке и обязательно с отутюженными стрелками, пиджак приталенный, белоснежная блузка, туфли-лодочки в цвет костюма или черные на каблуке до пяти сантиметров и брошка в зависимости ото дня недели – все эти элементы неотъемлемо сопровождали каждый выход в свет. Иногда брала с собой маленькую шляпку, если того требовала погода.

Цвета предпочитала сдержанные, но со вкусом: благородный синий, такого глубокого оттенка, чаще всего сапфировый или кобальт, темно-зеленый, очаровывал и цвет спелой черешни. Встречали ее и в костюме цвета фуксия, но это на особый случай хранилось в гардеробе, поскольку выбива-

лось из классической линейки образов. В нем старушка иногда ходила забирать арендную плату от своей постоялицы.

Кто-то скажет, что уж больно скучно она одевалась, но если так думаете, то точно ни разу не встречали ее вживую. Костюмы все шились в ателье, где она была частым гостем. Лидия Александровна всегда придерживалась позиции, что лучше заплатить больше, но вещь точно будет сидеть четко по фигуре и радовать ее при каждом выходе, благо финансы позволяли удовлетворять эту маленькую прихоть. Нет, она не сорила деньгами, просто умела грамотно распорядиться ими.

За всю жизнь ей удалось отложить достаточно, чтобы обеспечить себе комфортную старость. К тому же, активно помогали дети, обожающие свою маму, но не всегда находящие времени провести лишнюю минутку рядом, поскольку работа и личные дела занимали их полностью. Дарили и путевки на отдых в разные страны, и недавно уговорили переехать в новостройку, где при этом рядом расположен пруд, ставший ключевым аргументом в споре. Смарт-часы, смартфоны, билеты на первые ряды в театре – все это служило чем-то вроде откупа, но Лидия Александровна с пониманием относилась к сложившейся ситуации.

Ребята выросли, они уже не те маленькие сорванцы, нуждающиеся во внимании и опеке родителей. Теперь оба ее сына занимали руководящие должности в крупнейших фирмах страны, старший жил в Москве, младший – в Санкт-Петер-

бурге. Оба уже давно обзавелись семьями, причем, конечно, порадовали старушку и внуками. Видела она их не так часто, по большей части, по скайпу. Неизменным оставался ежегодный съезд всей семьи к бабуле на День рождения. Как же сразу оживал дом, обычно такой тихий и пустой. Сыновья Вася и Валера приезжали с женами и детьми.

Первые пару минут внуки чувствовали некоторое стеснение из-за новой обстановки, разбредаясь по комнатам и прячась от мира в социальные сети, но не тут-то было. Запах блинчиков манил на кухню, и уже не в силах себя сдерживать, они потихоньку перебирались за стол и включались в беседу, где все так рады были находиться рядом друг с другом. Смешные рассказы из жизни, уютные воспоминания, начинавшиеся с фразы: «А помните…», сразу же убирали барьер, выстроенный временем. И уже будто не существовало прошедшего года, выдавали только новые морщинки.

После семейного ужина все перемещались в гостиную, где и продолжали разговор. Лидия Александровна выбирала себе противника для шахматной партии из внуков, другие же доставали старую колоду карт из ящика под телевизором и начинали играть, как в старые добрые времена, в «Дурака». Единственное правило, выработанное еще много лет назад самой именинницей, было отключение смартфонов, но и без них всегда было весело. Как же она любила своих детей и внуков за легкий характер. Их приезд будто делал ее моложе лет на десять, жаль только, эликсир молодости имел

столь короткий срок действия. Конечно, и в семьях сыновей случались размолвки, когда люди долго живут вместе, то конфликты практически неизбежны, но, видевшие пример родителей, ребята старались сохранять любовь и уважение в своих союзах. Для них это день был так же важен, как и для Лидии Александровны, поскольку рядом с ней они погружались в полное спокойствие, где нет шума и треволнений, поэтому их коллеги после возвращения сразу замечали изменения: не было нервозности при многозадачности в работе, проекты быстрее реализовывались, да и сияющая улыбка с самого утра освещала все этажи офиса.

Обычно день пролетал практически незаметно, после чего все собирались на вечерний поезд или самолет, укомплектованные баночками с малиновым вареньем, ведь старушка знала, как сильно сыновья его любят с детства, поэтому по случаю приезда гостей всегда захаживала на местный рынок, где и покупала пару килограммов ягоды. Она бодро держалась, пока не захлопывалась дверь. Затем по ее щекам катились слезинки одна за другой, потому что жизнь в этой квартире опять замирала.

Как же ей хотелось сейчас с кем-то поделиться, насколько хорошо прошел праздник, пожаловаться, как похудела Лея и вытянулся Ванечка, но никого рядом не было. Раньше после ухода гостей она садилась с мужем за стол, наливала в обе чашки мятный чай и начинала лепетать до глубокой ночи без умолку, но этот предатель решил оставить ее одну. Уже че-

тыре года, как она не могла простить ему смерть: видишь ли, сбежать от родной жены решил на тот свет, а ведь говорила не забывать пить таблетки для сердца. Вот оно действие русского «авось», еще бы лет двадцать бегал по этому городу и радовал супругу анекдотами, прочитанными с утра в газете, пусть и не всегда удачными, но так Леня умел жестикулировать, что она покатывалась со смеху, не дослушав зачастую до комической развязки.

Старушка в деталях помнила их последний разговор, произошедший за два часа до смерти. Он выглядел плохо, уж слишком сильно на нем сказался перенесенный инфаркт, но сразу просиял, услышав в коридоре голос супруги, уточняющей у дежурной медсестры про самочувствие больного. Зайдя в палату, где кроме него никого не было, хотя стояло еще три койки, старушка почувствовала облегчение – живой, еще и улыбается. Она аккуратно присела на край кровати и нежно накрыла своей рукой прохладную кисть мужа.

– Леня, ты выглядишь как человек, недавно перенесший инфаркт. – сказала Лидия Александровна с усмешкой. – Пожалуй, стоит признать, что у нас не так прохладно по ночам в квартире, просто кто-то постоянно перетягивает одеяло на себя.

Муж тихонько засмеялся над остротой, высказанной с такой нежностью, на которую была способна лишь женщина, прожившая с ним сорок четыре года, но отозвался не сразу.

– Как же я люблю тебя, Родная моя. Знаешь, за столько

лет совместной жизни настолько изучил твои привычки, что могу с легкостью угадать все содержимое пакета.

– И я тебя люблю, – немного помолчав, игриво ответила старушка. – Но точно не угадаешь, сегодня эксклюзив от меня.

– Шоколадные круассаны, картофельное пюре с куриной котлеткой в контейнере, сегодняшняя газета и японский кроссворд с карандашом?

– Хм, твоя интуиция практически не подвела, – с победоносными нотками в голосе заметила Лидия Санна. – Не попал только с шоколадными круассанами, они были не такие свежие, когда зашла к ним перед больницей, поэтому прихватила нечто более интересное… Да-да, сделала тебе пирожное «картошку», такую, как раньше готовила дома. Подумала, ты точно оценишь.

Супруга моментально накрыла волна ностальгии. Как же часто одно время он заставлял свою Лидочку лепить ему этот десерт с какао. Потом в магазинах появились песочные корзиночки с кремом, из-за чего про «картошку» все позабыли.

– Боже мой, спасибо тебе. А молодильных яблочек не захватила?

– В нашем дворе пока не высадили таких яблонь, но обязательно обращусь к местному депутату с таким запросом, пускай стараются для народа, – захохотала старушка.

Она помогла осторожно приподняться супругу на подушках, чтобы ему было удобнее разговаривать, заботливо по-

правила одеяло на ногах, а то совсем холодные. На глазах Лидии Санны заблестели слезинки. Она практически шепотом произнесла:

– Пообещай мне, что будешь бороться. Скажу дикую пошлость, будто из сопливого сериала, но так тебя не хватает дома…

– А ты говорила, что мудрее меня, – звонко захохотал старичок, но потом добавил уже серьезно, немного понизив тон: – Я не хочу бороться, не могу больше… Большую часть своей жизни провел рядом с тобой, Родная. Сама же знаешь, насколько много значишь для меня, без тебя даже ластик не могу найти дома, но я так устал от постоянной борьбы, когда уже совсем жизнь не в радость. Таблетки – ЭКГ – таблетки, я чувствую себя фикусом, не способным выжить, если его забудут полить.

Ему было немного сложно говорить, но после небольшой паузы все же набрался сил и продолжил:

– Много думал о том, как отношусь к смерти, наверное, сейчас уже смирился, что это неизбежно, даже как-то спокойно на душе. Может, и в этот раз пронесет, предыдущие два раза же удавалось… Кстати, на кухне под подоконником оставил тебе небольшую записку, прочти, пожалуйста, как придешь домой, это мое любовное послание, есть же еще порох в пороховница, – игриво сказал супруг, потом добавил: – Теперь ступай, моя элегантная старушка, а то малость утомился, мне бы поспать. Поцелуй, как в молодости, и иди.

Лидия Александровна четко понимала, что разговаривает с мужем в последний раз, этот момент прощания разрывал ей сердце. Она пару минут, не отрываясь, смотрела в его глаза, нежно поглаживая все еще прохладную кисть. Аккуратно наклонившись, старушка поцеловала в сухие губы супруга, как это делала миллион раз за прожитые вместе годы. Ей показалось на секунду, будто они перенеслись назад во времени, где оба еще не знали, что такое безысходность.

– Я буду скучать каждый день, пока не встречусь с тобой там, любимый… Обязательно прихвачу с собой новенький ластик.

Она еле сдерживала подступающую истерику, но, собрав остатки сил, тихонько поковыляла к выходу. Как же ей хотелось броситься обратно, лечь рядом с ним на этой узенькой скрипящей койке и никуда не идти, но это так эгоистично. Лидия Александровна не хотела делать мужу больно своими страданиями, тем самым утяжеляя уход. Опираясь на стенку, она мелкими шажками двигалась к выходу, утирая слезы уголком платочка. Всегда такая бодрая и живая, в тот момент она ощущала вес каждого года на своих хрупких женских плечах, будто состарилась вмиг лет на сорок. Так и побрела домой.

Зайдя в квартиру, где вся ее семья прожила больше тридцати лет, вновь заплакала. Она даже не знала, сколько просидела в прихожей, не разуваясь, счет времени был утерян еще в больничной палате мужа. Из состояния транса ее вы-

вел телефонный звонок. Номер не был записан в телефонной книге, но и так все было понятно, звонили из больницы.

– Да, – еле слышно отозвалась старушка в динамик смартфона.

– Лидия Николаевна, здравствуйте, беспокоят из больницы. К сожалению, с печальной новостью: Ваш муж скончался, остановка сердца, приносим свои соболезнования…

В трубку еще что-то говорили, но она уже не разбирала слов. Ей нужно было позвонить детям и сообщить эту новость. Старушка медлила с этим, боялась, что, как только произнесет вслух вместе «Леня» и «смерть», произойдет нечто страшное. Будто все сказанное пару минут назад неправда, ошиблись номером, а муж скоро вернется из магазина, похвастается купленными мятными пряниками, и они вдвоем сядут пить чай.

Лидия Санна решила побыстрее взять тебя в руки, поскольку пострадать еще времени навалом будет. Набрала сначала старшего сына, потом он уже сам сообщил весть младшему брату. Вечерними поездами оба со своими семьями уже мчались в родительский дом. После звонка сыну старушка вспомнила о письме под подоконником, коекак достала его с помощью кухонного ножа, проковырявшись не меньше тридцати минут. Это была небольшая записка на тетрадном листе, сложенном вчетверо. Развернув его, увидела лишь несколько коротких предложений и подпись:

«Соврал насчет любовного послания», – промелькнуло

в голове у старушки. Она была немного в шоке от прочитанного, но сейчас ей не казалось это проблемой: какая разница, кремировать или закопать, человека-то уже нет. К тому же, его тело, почему нужно отказывать в последнем желании мужу лишь по причине иных устоев в обществе.

Потом все быстро завертелось: приехали дети, началась бюрократическая и организационная беготня, кремация, поминки за семейным столом. Спорить сыновья с волей усопшего не стали, решили, что временно урна останется в родительском доме, да и старушка настаивала на этом. Лидию Александровну дети всеми силами старались уговорить переехать к ним либо в Москву, либо в Санкт-Петербург, но переговоры постоянно заходили в тупик, уж очень упертой была. Она перед отъездом успокоила сыновей, убедила, что с ней все в полном порядке: в таком возрасте нормально терять близких, время залечит раны.

Какое же это было позерство. Старушке хотелось лишь одного – побыть в тишине, не слушая ничьи соболезнования и сожаления. Нет, за эти пару дней ни на йоту не приняла уход мужа, а даже успела обидеться на Леню. Ее разочаровывала мысль, что «… жили они долго и счастливо и умерли в один день» – это бестолковая фраза из сказок, которая точно теперь неприменима к ней. Умом принимала, а сердцем – нет, ведь в душе все еще бегала та неугомонная пятилетняя девчушка, верящая в сказки и не способная усидеть на одном месте больше минуты.

Первую ночь она спала плохо, постоянно просыпалась и плакала, потом, то ли из-за накопившейся усталости, то ли потихоньку мозг начал адаптироваться к одиночеству, погружалась в сон, только голова касалась подушки. Дни старалась занимать хлопотами по дому: полы помоет, в магазин сходит, пыль протрет на всех поверхностях. Принципиально не носила траур, ей это казалось бессмысленным, достаточно было его в сердце. Каждый вечер и утро неизменно выходила на прогулку при полном параде: такая прекрасная, сильная и гордая. Наверное, будь у нее в то время на руке смартчасы, она точно бы в конце дня видела на дисплее больше десяти тысяч шагов.

Скучала ли она по мужу? Каждый день. И прах, мимо которого старушка проходила по сто раз на день, неизменно давил на еще не затянувшуюся рану. В те моменты она часто вспоминала фразу, употребляемую, когда его что-то злило, а уж в таких ситуациях Леня за словом в карман не лез: «Что ж вы, паразиты, сверлите с утра пораньше? Как серпом по яйцам, отдохнуть не даете!». Именно так начинался диалог с соседями, разбудившими старичка. Ей было больно видеть эту сияющую от солнечных лучей урну, поэтому «будто серпом по яйцам» вполне уместно описывало ситуацию.

Медленно, но верно, в голове старушки укреплялась идея, как поступить, но до дня, когда она все же решится на это, пройдет ни меньше года. Потом таким поступком Лидия Санна удивит даже детей, привыкших уже к ее иногда неор-

динарным выходкам, но со временем и им удастся понять, принять. Все шло своим чередом: спокойно и ужасно одиноко.

Как же часто она вспоминала молодость, проведенную рядом с любимым. Ей только стукнуло девятнадцать, когда они познакомились в театре, точнее, около него. Леонида Степановича, которому на тот момент было двадцать три, туда затащила младшая сестра, мечтавшая посмотреть спектакль приезжей трупы. Лидочка же просто решила так скоротать вечер на будущей неделе, поэтому заранее купила билет в амфитеатр.

Несмотря на то что был июль, погода стояла ужасная: всю вторую половину дня стеной шел дождь. Лидочка, всегда такая вдохновленная и воздушная, даже не обращала на него внимания, есть же зонт и легкий плащ. Нарядившись в любимое темно-синее платье под поясок с белым воротничком, которое, к тому же, сама и сшила, она с помощью ленты собрала свои роскошные русые волосы в пучок. Пара прядок у лица предательски выпала из прически, потому что волосы с детства завивались, но ей это даже понравилось – лицо стало еще очаровательнее.

Девушка имела аккуратную, даже немного спортивную фигуру, на что повлияла постоянная работа в поле и огороде до отъезда на учебу в другой город, да и сейчас она каждое утро старалась не забывать делать упражнения, выученные еще в школе на физкультуре. Прямой небольшой носик, ка-

рие глаза, еще по-детски округлое личико и такая добродушная, жизнерадостная улыбка – все это вместе делало ее такой красивой. Лида после переезда стала завсегдатаем городской библиотеки, к тому же, и от природы у нее была крайне восприимчивая и сообразительная головушка, поэтому всегда могла умело поддержать беседу.

Училась девушка в местном училище на бухгалтера, потом хотела пойти работать и параллельно закончить университет. Гуманитарию по складу ума тяжело давались некоторые дисциплины, но врожденное упорство брало верх над огромными массивами цифр. В ее группе многие учились прилежно, поэтому она не особо выделялась.

В тот вечер девушка немного опаздывала, поэтому, соскочив с трамвая, стрелой понеслась в театр. Лида случайно подвернула ногу, взбегая по мокрым ступенькам театра, из-за чего сразу плюхнулась на них, благо не покатилась вниз. Все уже зашли, поскольку оставались считанные минуты до третьего звонка, так что помочь было некому. Однако на спектакль опаздывал и Леня, который, держа над собой и сестрой зонт, спешил зайти в помещение. Они увидели сидящую на ступеньках девушку в мокром платье, хохотавшую над своей неуклюжестью и не способную по этой причине встать.

Уточнять, нужна ли помощь, не было необходимости. Отправив сестру в театр, чтобы до конца не промокла и не опоздала, он сел рядом с Лидой на ступеньку и задал вопрос, ко-

торый стал в дальнейшем их личной шуткой:

– Подождать радугу с Вами?

– Нет, спасибо. Боюсь, заболею раньше, чем она появится, – ответила девушка смеясь.

Делать нечего, пришлось начинать подниматься. Леня взял ее под руку, дав тем самым на себя опереться, и помог встать. Платье все вымокло, прическа из-за тяжести воды осела, а отдельные пряди прилипли к лицу. Они вместе направились в холл театра, чтобы хоть немного согреться. Правила в таких местах строгие, поэтому надеяться попасть на спектакль было бессмысленно.

На удивление, их встретили две радушные старушки. После того, как все вещи были развешаны, гардеробщица Нина Федоровна подошла к окну, чтобы в очередной раз посетовать совей коллеге на ужасную сырость, и как раз застала эту забавную картину. К ней подошла вторая старушка, только принявшая плащ и зонт от сестры Леонида Степановича.

– Надо сказать, чтобы наконец директор распорядился сделать резиновые коврики, а то какое безобразие творится, люди калечатся! – практически шепотом сказала Нина Федоровна своей напарнице.

– Пойду принесу из подсобки свой плед, а то, небось, замерзли, – отозвалась вторая старушка.

Когда она вернулась, ребята уже зашли в холл и сели на деревянные скамейки, расположенные вдоль окон и увлеченно беседовали, согреваясь горячим чаем, который заботливо

для них заварила Нина Федоровна.

– Здравствуйте, молодые люди. Я тут вам плед принесла, поди, замерзли. Смотрю, уже и чай успели от Нинки получить, шустрая она. Сейчас быстро отогреетесь.

– Спасибо огромное! Я тут умудрилась поскользнуться и упасть, но вроде ничего не поломала, даже плитку на ступеньках, – смеясь ответила Лида.

– Ничего, если мы тут пока подождем, а то моя сестра все же успела на спектакль? – добавил молодой человек.

– Да о чем речь, конечно. Если еще чаю захотите, подходите, не стесняйтесь.

После ухода старушки Леня и Лида остались сидеть вдвоем. Они продолжили прерванный разговор. Так, девушка узнала, что ее спаситель был на три года старше нее и тогда учился на архитектора, родился и вырос в этом городе. Леониду Степановичу периодически поправлял плед на плечах Лиды, поскольку тот из-за излишне активной жестикуляции постоянно сползал. Девушка заметила этот акт заботы к себе. Еще ее поразили такие маленькие, но невероятно добрые глаза с небольшим прищуром, в которых будто горели маленькие огонечки. Овальное лицо, достаточно широкий прямой нос, пухлые губы, усердно зачесанная назад вьющаяся копна волос – все это так гармонично сочеталось в одном человеке.

Много, очень много лет спустя, когда вместе, уже будучи долгое время в браке, посмотрят нашумевший фильм «Хати-

ко: самый верный друг», оба заметят, как он сильно в молодости был похож на Ричарда Гира (или, как в шутку отмечал Леня, этот американец похож на него). Годы и хлебобулочные изделия, несомненно, взяли свое, поэтому в пожилом возрасте общих черт осталось мало, особенно их разделял появившийся жирок, заботливо защищавший живот и щечки.

Тогда в театре Лида тоже приглянулась молодому человеку. Нет, ни о какой любви с первого взгляда речи не могло быть, но ее манера говорить так открыто, будто они уже сто лет друзья и успели пережить вместе море событий, подкупала. После спектакля девушка познакомилась с Машей, младшей сестрой Леонида Степановича. Оба решительно настаивали на необходимости проводить Лидочку домой, поскольку на улице стемнело, а трамваи в такое время не ходят. Согласие получили сразу, затем дружной компанией направились в путь.

Дождик совсем чуть-чуть моросил, но никто и этого не замечал, поскольку все внимание было приковано к Маше, так красочно и живо рассказывавшей подробности спектакля. От театра до общежития Лидочки было около пятидесяти минут пешком, но сложилось ощущение, что прошли все расстояние – за десять, уж очень увлеклись беседой. Так Леня узнал, где жила эта очаровательная девушка, ворвавшаяся в его жизнь столь неожиданно. В тот вечер попрощались как старые добрые друзья и разошлись.

Из-за позднего прихода Лиду могли не пустить в общежитие, благо она пользовалась расположением грозы местных студентов, которую любя звали баба Фрося, поэтому, побеседовав с ней пару минут и рассказав про «забавный» поход с театр во всех красках, девушка быстро поднялась в свою комнату на втором этаже. В своем блоке тогда жила одна, поскольку все разъехались на летние каникулы. Она же по несколько часов в день подрабатывала швеей в местном ателье.

Остаток лета ознаменовался для девушки практически ежедневными прогулками с Леней, который сразу после работы мчался к ней. Он, кстати, тоже время зря не терял. Ввиду того что успел закончить училище по архитектурному направлению, уже работал в бюро, где успешно проходил практику в студенческие годы. В университет же поступил для расширения профессиональных знаний, да и должность повыше в перспективе такая корочка позволяла занимать.

Леонид Степанович все же влюбился в эти постоянно смеющиеся глаза. Молодой человек сделал ей предложение первого октября, не сказав никому заранее об этом намерении, уж слишком личное дело было, поэтому боялся спугнуть свое счастье. Стоя на одном колене, он не просил руки и сердца, нет, Леня посвящал Лиде свою жизнь, обязуясь пройти рядом через все радости и невзгоды. Девушка согласилась, нежно поцеловав его в губы. Потом еще долго вместе сидели на скамейке в парке и просто молчали, очарованные

моментом.

Да, тогда трава была зеленее. Спустя много лет, уже будучи старушкой, Лидия Александровна видела, как сильно изменилось у людей отношение к любви, она стала более материальной что ли. Развитие института частной собственности коснулось и личных отношений, что добавило некоторую коммерческую составляющую. Наличие квартиры, машины, хорошо оплачиваемой работы – все это стало важными аргументами при создании союзов. Медленно, но верно из взаимоотношений уходила искренность, да и личного стало мало: если девушке делали предложение, то ее обязанностью было выложить фоточку с кольцом в социальную сеть для оценки, а дальше – лайки, лайки, лайки… Лидия Александровна радовалась в душе, что в их молодости такого не было, она понимала и принимала правила современного общества, однако благодарила Вселенную за данную ей возможность пережить искреннюю и бескорыстную любовь. Может, это классическое проявление проблемы отцов и детей, она не знала. Только трава все же раньше была зеленее…

Свадьба была скромной, посидели у родителей Лени, где и решено было жить первое время. Из деревни приезжали и самые близкие родственники Лидочки с подарками: столько провизии навезли, последнее доели из морозилки лишь месяца через четыре. Мероприятие прошло тихо, без драк и скандалов, чему способствовал практически безалкогольный фуршет. Девушка на следующий день, не без помощи

Лени, перенесла все свои вещи из общежития к нему в комнату. Так и начали привыкать друг к другу.

Процесс притирки шел не всегда гладко, осложнялось это тем, что мать молодого человека, женщина весьма строгая и требовательная, иногда перегибала палку. Лида получала критику практически за все: не так моет полы, не так развешивает постиранное белье, жарить картошку не умеет правильно, щи слишком жидкие варит. И каждый день находился новый повод для упрека. Лишь потом, уже много лет спустя, девушка поймет, что она стала свидетелем банальной ревности, но сейчас ей оставалось только скрепя сердце терпеть. Отец же и сестра просто обожали нового члена семьи за легкий и веселый характер, при этом девушка все же отменно готовила.

Отношения между молодыми с каждым днем становились теплее, они больше узнавали друг друга. Скоро и стеснение ушло при таинстве близости благодаря укрепляющемуся доверию. Видя нападки матери на любимую, Леня всеми силами, но при этом вежливо и аккуратно защищал супругу, стараясь поддерживать мир в семье.

Отношения между невесткой и свекровью начали меняться в лучшую сторону примерно через полгода после переезда Лидочки. У девушки была привычка читать книги вслух, только теперь это приходилось делать тише, чтобы никому не мешать в квартире. Как-то раз, когда у нее не было пар в училище, а все дела по дому успела сделать до полудня,

закрыв дверь, Лида взялась за книгу. В этот раз выбор пал на повесть А. С. Пушкина «Пиковая дама». Так она увлеченно декламировала произведения, меняя интонации и активно жестикулируя, что даже не заметила, как через дверь за ней наблюдала мама Лени. Девушка как раз дошла до момента прихода к Германну ночью графини, когда подняла голову и увидела в дверях свою свекровь. Ох, и визгу было, чуть весь хрусталь в доме не полопался от шума.

– Ты чего? Извини, что напугала, уж больно заслушалась, – примирительно сказала старушка.

– Так забавно произошло, думала, что и ко мне графиня из повести заглянула, – уже отойдя от страха, смеясь ответила девушка.

– Можно, пожалуйста, тут в кресле посижу и послушаю? Я читаю плохо, по слогам. В деревне, когда росла, особо не до этого было: постоянно то в поле, то в огороде, то по дому хлопочешь, да за младшими сестрами и братьями приглядываешь, а когда поженились и в город переехали, родился Ленька, вот, и опять не до книг. А тебя слушать даже интереснее, чем телевизор смотреть.

Как же сильно удивилась Лида, услышав не упрек в свою сторону, а похвалу. Без колебаний она разрешила присутствовать при чтении, после чего старушка сходила в зал за подушкой, положила в кресло под спину, чтобы удобнее было сидеть, и внимательно стала слушать, прикрыв глаза, чтобы не смущать девушку своим взглядом. «Сеанс» то-

гда шел часа два, за это время дошли до конца «Пиковой дамы», осилили «Гробовщика», «Станционного смотрителя» и начали «Метель», над которой немного даже поплакала слишком восприимчивая старушка. Когда все вернулись, кто – с учебы, кто – с работы, долго дивились изменившейся за один день атмосфере в доме. Потом Лида часто читала вслух для всей семьи. В паре с Леней они даже декламировали по ролям роман В. А. Каверина «Два капитана», а прочитанный там девиз «Бороться и искать, найти и не сдаваться» девушка стала часто повторять в голове в сложных ситуациях. Спустя много лет именно его на теле набьет внук Лидии Александровны.

Ребята прожили с родителями Леонида Степановича около четырех лет, за это время на свет появились два очаровательных карапуза Вася и Валера с разницей в три года. Супруги уже успели закончить учиться и начали работать по специальности: Лида – бухгалтером на самом большом в городе металлургическом заводе, Леня – продолжил трудовой путь в архитектурном бюро, только уже в роли руководителя отдела. Еще после рождения первенца родители дали мудрый совет молодым – встать на очередь для получения квартиры, не со злым умыслом, чтобы вытурить со своей жилплощади. Просто они понимали, что мальчики подрастают, и им хорошо бы иметь личное пространство.

Лидочка и Леня получили ордер на квартиру, свою квартиру, пусть и в муниципальном найме, которую приватизи-

руют лишь много лет спустя уже следующем столетии. Они переехали быстро в просторную двухкомнатную квартиру, после чего начался долгий процесс отмывания каждого уголка и создания уютной атмосферы с помощью ремонта и меблировки. Засыпая в первую ночь на плече любимого мужчины, Лида даже не могла представить, сколько счастливых моментов ждет ее в этой сталинке.

«Не хочу, чтобы по мне бегали суслики. Прошу, только кремация.

». Люблю, твой Леня

Глава 3. Козы покормлены

Ему надоели люди, абсолютно все…

Последние двадцать лет он старался избегать общества кого бы то ни было, исключения составляли лишь необходимые походы в магазин, хотя и там ограничивался парой четких фраз, чтобы избежать любопытных вопросов. Всегда серьезное, даже немного угрюмое выражение лица помогало в этом. Нет, Виктор Николаевич не был ни маньяком, ни вором, ни убийцей, он просто хотел покоя. Часто случается, успеваешь хлебнуть столько за жизнь, что потом чувство голода еще долго не приходит, вот и с ним так произошло.

В то августовское утро ничего необычного не происходило. Он встал с первыми лучами солнца, повалялся в кровати еще минут десять, что позволило адаптироваться к реальности, часы показывали 4:28. За столь продолжительный срок пребывания в деревне единственное, к чему так и не смог привыкнуть, – это умывание холодной водой из металлического рукомойника. Кто-то бы удивился такой дикости в двадцать первом веке. Неужели нельзя, раз нет в деревне классической системы водоснабжения, установить газовую колонку или обычный водонагреватель, чтобы не мучить себя такими пытками? Да, был бойлер в доме у Виктора Николаевича, но он принципиально обдавал лицо по утрам ледяной водой, это оживляло память.

Его не пугал такой каждодневный обряд, несмотря на то что в этом году стукнуло 64 года. Однако выглядел уже совсем стариком: седая борода, которую он не сбривал, но регулярно каждый месяц подрезал, чтобы она не была ниже линии плеч; выцветшие, некогда голубые глаза; мешковатые коричневые брюки, подвязанные сплетенным из веревок ремнем; серая объемная рубашка поло, подаренная супругой много лет назад, когда еще жил в городе. Дополняли образ черные укороченные резиновые сапоги, в которых его можно было увидеть и летом. Несомненно, вещи стирались по мере загрязнения, иногда что-то на смену доставалось из старого платяного шкафа, но все предметы гардеробы ужасно походили друг на друга. Мизинец на правой руке совсем не разгибался, на левой – стягивался градусов до тридцати от прямой линии ладони. Еще в городе ему поставили диагноз контрактура Дюпюитрена, или ладонный фиброматоз, который легко в свое время можно было вылечить с помощью операции, но уговорить никто так и не смог.

После умывания Виктор Николаевич обычно переодевался из пижамы в свою любимую экипировку и составлял список задач на день. Эту привычку приобрел еще много лет назад и не изменял ей, поскольку так, во-первых, выше была вероятность ничего не забыть, а в деревне хлопот хватает, даже если ты живешь один, во-вторых, день будто наполнялся осязаемым смыслом, когда своим отточенным почерком выводил на бумаге все новые и новые пункты.

Первым делом он шел кормить и доить своих бесценных коз. Да-да, только этих животных из всего имеющегося у него скота не пускал осенью и в течение лета на мясо, а давал умереть своей смертью от старости или болезни. Он испытывал что-то сродни чувству вины по отношению к ним, никак не мог простить себе, как в девяностых, будучи в не совсем трезвом виде, ехал с очередной гулянки по трассе да, не сразу среагировав, сбил козу со всем выводком, не успели отскочить в сторону. До сих пор не смог стереть из памяти эту картину, хоть и прошла практически четверть века с того момента.

Много чего из своих первых сорока четырех лет не удавалось никак искупить, уже двадцать лет пытается, но пока безуспешно. Может, просто плохо старался. Начиналась же его жизнь, в принципе, как у любого среднестатистического советского мальчишки, рожденного в деревни. Витя рос смышленым ребенком, излишне активным, конечно, но для такой среды обитания – самое то. Его голубые глаза обезоруживали взрослых, особенно лет до пяти, поэтому прощали некоторые шалости вроде разбитой кружки или заляпанного грязными ногами пола, потом же наказывали, как и всех остальных – ремнем.

Талант мальчика находиться «одновременно» в трех местах (сейчас популярно детям с похожими чертами ставить СДВГ) использовался родителями и их соседями по прямому назначению. Мать его практически каждый день отправ-

ляла отвезти на велосипеде отцу в поле молоко, еще давала задание купить кое-какие продукты в магазине, а также заехать в соседке и передать мяты, росшей в избытке у них на огороде. По пути еще односельчане могли попросить отнести-принести, тут уже хитрый мальчонка брал плату, пусть и не деньгами, а где яблоками, где малинки разрешат с куста нарвать, но лучшую награду получал от деда Агапа.

Потеряв на войне ногу, старик теперь большую часть времени проводил дома, и чтобы заработать на кусок хлеба, занимался столярным промыслом, уж больно красивые и крепкие предметы мебели умел делать. Так и шли к нему со всей деревни за столами, стульями, часами настенными, шкатулками. Никому не отказывал, иногда даже вместо денег принимал оплату продуктами. Когда у него заканчивался клей или другие нужные детали, дед Агап обращался за помощью к Витьке, чтобы тот по-быстрому съездил в город, расположенный в двух часах езды от деревни. Первый раз без отца он в город попал лет в тринадцать, там купил все необходимое по списку и помчался обратно за своим вознаграждением. Вернувшись гордый в деревню, он занес все приобретенное к старику в дом, после чего получил заработанные честным трудом десять копеек. Это были первые его личные деньги.

Одну из скопленных в то время монеток Витя сохранит в качестве талисмана, уже взрослым сделает своими руками под нее маленькую рамочку размером 10*10 см и поставит на книжную полку как напоминание о том, что нужно знать

цену деньгам. Он так часто будет смотреть на нее и испытывать скорбь, но это произойдет многим позже, тогда же просто продолжал расти.

Ему легко давалась учеба, поскольку схватывал все на лету. Зубрил стихи перед уроком и читал их так выразительно, что неизменно получал по литературе «пять», домашние задания старался делать сразу после их выдачи, иногда во время самого занятия, если оставалось время, иногда – на перемене. После школы он помогал матери или отцу по дому, а затем, как любой мальчишка в его возрасте, несся гулять с друзьями.

В шестнадцать лет после окончания школы он четко решил, какую профессию хочет освоить, поэтому без малейших колебаний отправился в город поступать в летное училище. Мать слезно просила, чтобы Витя еще хорошенько подумал, опасно же по небу «колесить», сколько людей гибнет из-за самолетов, но молодой человек оставался верен мечте. В день отъезда, взвалив на плечи объемный и крайне тяжелый рюкзак цвета хаки, взяв в обе руки по сумке, он попрощался с родителями, нежно обняв обоих, посмотрел с печалью на дом, в котором провел всю свою жизнь, и отправился через лес на станцию.

Их деревня располагалась максимально обособленно от всего мира: до станции в городе – больше двух часов пути пешком, причем основная часть приходилась на путешествие через лес. Местные жители давно привыкли к таким

расстояниям, чаща их не пугала, некого там было бояться. Многие еще на обратном пути собирали дикие ягоды да грибы, наполняя до краев любую свободную тару либо, на худой конец, карманы. Вот и Вите предстоял путь во взрослую жизнь через давно знакомую дорожку. Ему по душе была таинственность леса, создаваемая сплетенными кронами деревьев. Благодаря все же пробивавшимся лучам света на земле образовывались загадочные силуэты, в которых еще ребенком, когда ездил на велосипеде в город по поручениям деда Агапа, угадывал сказочных существ.

После преодоления леса нужно было еще примерно полчаса идти вдоль дороги, чтобы наконец добраться до станции, где у входа добродушные бабули продавали ароматные пирожки и семечки, отмеряя порции гранеными стаканами. Витя добрался до пункта назначения, когда до поезда оставалось чуть больше часа, поэтому, сев на одну из своих сумок, начал вновь читать книгу, по которой и готовился к вступительным экзаменам. Он подчерпнул оттуда много нового, пугала его только перспектива запнуться на дополнительных вопросах, а вдруг не справится. Такое, думаю, случалось практически с каждым: вот, спросят тебя о чем-нибудь, а в голове – тишина, даже бредовые мысли не появляются для оформления в разумную цепочку, потом выйдешь из аудитории и по пути домой вспомнишь нужное, причем еще представишь, как мог бы остроумно и по делу ответить, прямо обидно становится за подобное фиаско. Именно

этой ситуации и опасался молодой человек, но дороги назад уже не было.

Когда пришел поезд, он быстро забрался в него со всей поклажей, направившись к своему купе. На его удивление, лишь одна полка было занята, поэтому, пока никто другой не подсел, Витя решил разместиться на нижней слева, чтобы иметь возможность пользоваться столиком. Тут проснулся его попутчик, тучный мужчина лет пятидесяти пяти с серыми усами и полностью лысой головой. Еще не до конца отойдя ото сна, он одним глазом рассматривал нового пассажира, поскольку второй еще не привык к яркому свету в купе. Изменив положение тела на сидячее, мужчина подал руку Вите для приветствия и представился:

– Василий Алексеевич, можно просто дядя Вася. А тебя как звать? Учиться что ль едешь?

– Виктор Николаевич, но ко мне так не обращаются, привык уже к Витьке. Да, недавно школу закончил, вот, еду мечту исполнять, летчиком военной авиации думаю стать. Вы куда путь держите? – пожав руку, ответил молодой человек.

– А-а-а, это дело хорошее. Я, вот, в девятнадцать на фронт попал, потом вернулся в сорок пятом весь шитый-перешитый, благо силы позволяли, устроился на завод в городе работать, но не сложилось, тяжело мне стало от суеты либо от войны не успел достаточно отойти, поэтому вернулся в родную деревню, там женушку нашел, так и осел, троих детей подняли. Как раз к старшей еду в гости с внуками по-

нянчиться и гостинцев передать. Сейчас трактористом при колхозе работаю, а тоже хотел небо покорять, да умишка Бог не дал, и время неподходящее выпало на мою долю, хотя не жалуюсь, и за это спасибо.

– Будете хлеб с малиновым вареньем, мама с собой упаковала? – предложил Витя, явно желая перевести тему.

– Нет, еще посплю, через пару часов сходить, а там целый день на ногах буду, хочу подготовиться к беготне, – смеясь ответил Василий.

Когда попутчик улегся, отвернувшись лицом к стенке, Витя наконец мог снять маску вежливой улыбки с лица. Пусть он и вырос в деревне, и был во всех компаниях заводилой, но общение ему порой надоедало, отвлекая от обдумывания какой-то новой мысли в голове. И тут произошла аналогичная ситуация, да еще его будто окатило ведром безнадеги, когда слушал рассказ о жизни этого мужчины. Такая рутина вгоняла в тоску. Он даже представлял, как могли выглядеть последние тридцать лет Василия Алексеевича: проснулся – поел – поцеловал жену – пошел на работу – поработал — пообедал – опять поработал – вернулся домой – покормил скот, если это раньше не сделала жена – пошел спать. От подобной бытовухи и с ума сойти недолго.

В душе Витьки еще играл юношеский максимализм. Он готов был геройствовать, отчаянно бросаться выполнять любую, даже самую сложную задачу, хотел постоянно видеть разные декорации вокруг, поскольку деревенские пейзажи

хоть и любил, но за семнадцать лет настолько успели надоесть, что аж тошно порой было. Он желал масштабирования своих возможностей. Умение управлять самолетом, когда можешь видеть весь мир с высоты птичьего полета, явно могло поспособствовать в этом.

Ехал молодой человек на поезде около суток, но большую часть пути оставался один в купе, только изредка к нему заходил проводник, узнать, ничего ли не надо. Поспать ночью не удалось, по коридору кто-то постоянно ходил, да еще и на одной из станций в вагон села пара с маленьким ребенком, истерику которого могли успокоить не больше, чем на полчаса. Когда уже под утро Витя начал дремать, в его купе по ошибке зашли пассажиры, сон как рукой сняло, больше попыток не стал предпринимать, лучше по приезде отдохнет у сестры отца, где должен был остаться на одну ночь, а потом отправиться на сборы.

На следующий день после прибытия полностью отдохнувший в отглаженной белоснежной рубашке, брюках со стрелками и настолько начищенных ботинках, что в них отражались улицы, молодой человек гордо шествовал, держа под мышкой необходимый для поступления пакет документов. Особенно ему грело душу полученное ранее заключение ВЛЭК (врачебно-летной экспертной комиссии), согласно которому его признавали полностью пригодным. На спине висел взятый из дома рюкзак (сумки с гостинцами из деревни предназначались тете, у нее и оставил их благополучно).

Предвкушению не было предела, энергия внутри била ключом, так уже хотел оказаться ближе к самолетам.

Наконец добравшись, он показал на проходной свое направление, после чего оставив в одном из помещений свои вещи, прямиком отправился на первый общий сбор, где и состоялось построение и распределение по ротам. Его удивила необходимость повторного прохождения внутреннего ВЛЭК, но для Витьки все прошло успешно, как и со вступительными экзаменами. На следующий день всем сделали новую «стильную» прическу, причем, одинаковую – под ноль. Их лысинами можно было запускать солнечных зайчиков по казарме.

Дальше начался процесс активной адаптации студентов к учебе. Ни разу за всю свою жизнь молодой человек не отдавал так много времени граниту науки, но дикое желание остаться и стать пилотом помогало не киснуть. Знаете, у многих людей есть кумиры, для себя Витя выбрал А. П. Маресьева, причем давно, когда еще в школе читал и перечитывал «Повесть о настоящем человеке» Б. Н. Полевого. Его в пример ставил себе каждый второй курсант летного училища.

Программа обучения рассчитывалась на два года и один месяц. За это время Витька научился не только летать, но и выживать. Его сил иногда едва хватало, чтобы не плюнуть на все, но он продолжал играть по предложенным правилам. Он не всегда успевал должным образом готовить-

ся к занятиям, иногда приходилось тайком изучать предмет и по ночам, потому что объем информации был велик, а днем и вечером никто не отменял дежурств по роте, уборки территорий, строевой подготовки. Счастьем становились увольнительные, столь долгожданные для каждого курсанта, дававшие шанс глотнуть свободы.

Два раза приезжали родители в город, чтобы встретится с любимым сыночком и накормить вкусностями, приготовленными заботливыми руками. Он так успевал соскучиться по ним, что без умолку заваливал вопросами, да и сам охотно рассказывал о буднях в летном училище, уплетая пирожки с повидлом. Мать постоянно причитала, как же сильно похудел, один нос остался, однако и замечали, насколько сильно возмужал: оформились мышцы, немного выделявшиеся через китель, заострились скулы и прямее стала осанка. Так и брала гордость, потом всем в деревне хвалились поездкой. Затем Витька вновь возвращался в «обитель», только уже с арсеналом сил и вдохновения.

Месяцев через семь после начала обучения первокурсников начали водить на тренажер самолета. От подобных вылазок у молодого человека горели глаза, тут он был в своей тарелке, быстро освоившись в полете по приборам. Летняя практика под руководством опытного пилота-инструктора стала самым долгожданным событием для молодого человека. Молодой человек даже удостоился чести совершить два самостоятельных полета. Волнение в те моменты пере-

полняло, но поскольку до этого практиковался со страховкой инструктора, чувствовал себя более-менее уверенно. Тогда Витька понял: его мечта сбылась, дело за формальностями, нужно просто доучиться.

На каникулы курсантов отпустили только на втором курсе в октябре. Молодой человек купил подарков на полученные отпускные и рванул в отчий дом. И снова тот же путь – через лес, где на тропинке знаешь каждую ямку. У него в некоторые моменты складывалось впечатление, будто вообще не уезжал, ведь ничего не изменилось.

Первым местом, куда он зашел в деревне, был дом деда Агапа, стоявший на окраине. С первой встречи прошло много лет, старик осунулся, морщин стало больше, только задор в глазах все же остался. Конечно же, он все еще подрабатывал столярным ремеслом. Когда Витька к нему зашел, старик был так увлечен новой резной хлебницей, что даже не заметил гостя. Постояв пару минут, молодой человек радостно произнес:

– Деда Агап, все в городе купил по списку, готов принять свою награду.

На него с прищуром посмотрели, ибо зрение уже порядком испортилось из-за старости и кропотливой мелкой работы. Как только дед Агап узнал в шумном пришельце Витю, его лицо моментально просияло нежной улыбкой – любил как сына родного. Положив на стол инструмент и деталь нового творенья, он подал руку для приветствия не мальчу-

гану, носившемуся словно ветер по улице, а уже взрослому мужчине:

– Здравствуй, родной. Ох, и вытянулся же ты на своей учебе. Поди, девчонки штабелями падают перед таким красавцем.

– И Вас рад видеть дедушка Агап! Решил первым делом сюда нагрянуть, а то уж больно давно не виделись. Увы, на барышень времени не хватает, поэтому ошибаетесь. Кстати, тут две банки клея захватил из города в подарок, – смеясь ответил Витька.

– Что ты, зачем тратился, и так, наверное, с деньжонками туго, но все равно спасибо. Как твоя учеба? Не томи, мне ж интересно. Будь добр, поставь чашки на стол, а я быстро съезжу за печеньями, перекусим хоть.

Старик уже сманеврировал на своей коляске, которую ему еще давно в городе выписали из-за потери ноги на войне, в соседнюю комнату. Его транспорт уже порядком истрепался, годы все-таки берут свое, но, как и хозяин, держался бодрячком. Он скоро вернулся обратно, везя на коленках две тарелки, в которых лежали пирожки с яблоками, приготовленные сестрой, и песочные печенья. Витька уже успел поставить чашки на стол и включить в розетку электрический самовар.

– Только я ненадолго сегодня, а то маленько устал с дороги. Каникулы у нас на месяц, поэтому даю слово курсанта летного училища, что еще не раз буду отвлекать Вас своим

присутствием за это время.

– Понимаю, поэтому давай по чашке выпьем и в расход: ты – домой, я – к хлебнице, – по-дружески отозвался старик.

Витька заварил чай водой из вскипевшего самовара и начал рассказывать, как жил этот год, чему научился. Его лицо менялось, когда говорил о самих полетах в деталях, не забывая красочно описать пейзажи с высоты птичьего полета. С него сходила вся усталость в такие моменты.

Дед Агап внимательно слушал, лишь изредка задавая уточняющие вопросы. Как же ему хотелось вновь стать молодым, вернуться в прошлое, в те дни, когда еще ходил на своих двух. Героем быть хорошо, даже замечательно, но тошно бывает пожинать плоды. Нет, он не завидовал юности и силе Витьки, отнюдь, испытывал гордость за него и просто жалел себя. Иногда к горлу подходил ком, лишь проскальзывало осознание, насколько много было упущено, будто вышел ловить рыбу без нужного снаряжения.

Часа два без умолку говорил юноша, забыв совершенно про усталость и время, лишь наступающие за окном сумерки напомнили, что пора идти домой, а то родители до сих пор не знали о прибытии Витьки. Тепло попрощавшись со стариком и пожелав ему доброй ночи, молодой человек практически побежал в свой дом, по дороге периодически здороваясь с односельчанами, знавшими его с детства. Он не зашел в сени, а практически влетел, нечаянно даже наступив на хвост коту, мирно спавшему у входной двери на своей ле-

жанке. На дикий вопль животного сразу сбежались родители, удивившиеся неожиданному приезду сына, который даже не предупредил о каникулах.

После счастливых объятий со слезами все переместились на кухню. Мать сетовала на такую безответственность и ребячество со стороны сына, не обмолвившегося даже словом в письмах о приезде, а то бы хоть успела подготовиться: дом прибрать получше, стол накрыть праздничный. Отец же, в свою очередь, расспрашивал, что да как на учебе, как ему самостоятельные полеты и все в этом роде. Витька повторил слово в слово рассказ, озвученный ранее у деда Агапа, затем отправился спать, поскольку энергия была исчерпана излишне событийным днем.

Благодаря каникулам молодой человек успел полностью восстановить силы. Его не загружали работой в поле и по дому, поэтому мог спать подольше и практически целый день заниматься своими делами, а чаще всего предпочитал читать, причем не учебную литературу, а взятые в местной небольшой библиотеке детективы, помогавшие переключить мозг на новую тему. Стоит признать, что воспитанный в деревне, Витька не мог априори лентяйничать, поэтому все же старался помогать матери по дому и в огороде, периодически бегал и в поле на подмогу к отцу. Частенько засиживался у деда Агапа и еще два раза за весь отдых успел сгонять в город на велосипеде за нужными для столярного ремесла товарами. Бабушек и дедушек молодой человек не знал, не пе-

режили, к сожалению, войну, поэтому дорожил обществом старика.

В тот приезд они виделись в последний раз. Через пару месяцев деда Агапа найдут мертвым в своей постели. Под подушкой же у старика лежало запечатанное письмо, адресованное Витьке. Хоронили всей деревней в вырезанном им самим гробу, только парня не стали извещать, родители решили не волновать лишний раз.

Что ж, после возвращения в казарму жизнь молодого человека опять стала частью водоворота событий, где каждый день с утра расписан по минутам. В тот последний год учебы Витька не думал практически не о чем, кроме самолетов, выкладывался в небе по максимуму, из-за чего дойдя до постели моментально погружался в сон. Он мечтал стал лучшим, жаль, этому не суждено было сбыться. Оставалось около трех недель до государственного экзамена по летной подготовке, когда случилось происшествие, изменившее кардинальным образом всю жизнь молодого человека. Крушение самолета? Отнюдь.

Несмотря на выпускной курс, наряды по мытью уборной никто не отменял. Тогда жребий пал на Витьку, которого крайне возмутила подобная ситуация, но скрепя сердце поплелся выполнять. Ведро, швабра и тряпка стали его друзьями на ближайший час. Молодой человек увлекся работой, забыв про осторожность, оступился на скользкой плитке и во весь рост упал на твердую поверхность.

Очнулся он уже в больнице, первым делом увидев свою поднятую ногу на вытяжке. Медсестры сразу засуетились, позвали врача в палату. В помещение через пару минут вошел немного грузный мужчина лет сорока пяти в белом халате, в руке он держал какие-то документы, как впоследствии оказалось, это была история болезни. Он протянул для приветствия руку Витьке:

– Виктор Николаевич, меня зовут Степан Петрович, буду Вашим лечащим врачом. Рад, что быстро пришли в себя. Как самочувствие? Нога сильно ноет?

– Приятно познакомится… Нога ноет, но в целом терпимо, голова больше беспокоит. Ощущение, будто футбольным мячом по ней прилетело, – силясь ответил Витька, уже окончательно пришедший в себя.

– А Вы помните, что произошло?

– Да, падение помню, потом тут очнулся. Доктор, что с ногой? Когда смогу продолжить обучение, а то у меня экзамены на носу?

– Голова болит, потому что заработали себе при падении сотрясение мозга. По поводу возвращения в строй: пока придется отложить затею, поскольку перелом серьезный, причем сразу в нескольких местах. В ближайшие пару дней придется прооперировать ногу, восстановительный период займет порядка двух месяцев, но все будет хорошо, обещаю.

Витька ничего не сказал в ответ, молча отвернув голову к стене. Он знал, что после выздоровления спокойно сможет

вернуться к обучению, сдать экзамены и уже официально называть себя летчиком. Проучится чуть дольше, но разве это проблема? Однако в тот момент все кардинальном образом изменилось в его сознании, будто погасили свет в комнате, которая так манила, и замуровали вход. Просто пропало желание возвращаться в училище и достигать ранее такую заветную цель.

Витька пролежал в больнице около трех недель. У него было достаточно времени для анализа ситуации и принятия решения. Он задавал себе один и тот же вопрос снова и снова, но каждый раз не мог дать внятного ответа. Почему именно летчиком должен стать? Свобода, масштаб, мир с высоты птичьего полета? Да, такое точно помнит. Несмотря на то что прошло практически два года с момента начала учебы, Витька понял: мечта летать на самолете была обусловлена банальной попыткой сбежать из своей захолустной деревушки и только. Лишь бы не стать заложником этого окруженного со всех сторон лесом места. Лишь бы не ограничить мышление однообразием и размеренностью жизни в деревне, где из каждого человека словно выкачали все силы бороться. Он ощущал, что большой мир его зовет, обязывая оценить своими глазами все великолепие, накопленное таким трудом, а просиживать время впустую считал страшнейшим преступлением.

За время, проведенное в больнице, молодой человек полностью охладел к старой мечте. Зажечь былой огонь в сердце

к самолетам не помогло даже прокручивание в голове подвига Маресьева, которого считал своим кумиром долгое время. Он четко понимал: для достижения его истинных желаний можно и по земле ходить, да и не особо геройствовать. Оставалось дело за малым: придумать иное занятие, которое бы в перспективе приносило достойное вознаграждение, при этом оставляя достаточно времени на путешествия по свету. Каких-то ярко выраженных талантов за собой ранее не замечал, поэтому, пока тело было приковано к койке, перебирал всевозможные варианты для выбора оптимального направления собственной, льющейся через край, энергии.

После выписки еще с загипсованной ногой и на костылях решил ненадолго вернуться в деревню для полного восстановления сил, решив до этого все формальности с летным училищем. Дома его встретили радушно, окружив заботой, однако факт, что бросил учебу, приняли холодно, даже спорили с отцом пару раз на эту тему. В их жизни все было проще, не было совершенно места для метаний и сомнений, поэтому принять Витькину позицию, несмотря на все объяснения, так и не смогли.

Наступил и тот момент, когда сыну рассказали о смерти деда Агапа и оставленном письме. Это стало вторым серьезным ударом для и без того хрупкого мира. Нет, он не заплакал, смысл распускать сопли, еще с детства привык скрывать большую часть своих чувств, а здесь, в условиях выстроенного из критики барьера, больше замкнулся в себе. Забрав

послание, на костылях вышел из дома и направился к лесу, где знал каждую тропинку. Нога периодически ныла, но он мужественно продолжал идти, только бы подальше ото всех.

Добравшись до давно упавшего дерева, Витька уселся на него и достал из кармана брюк конверт. В углу аккуратно карандашом было написано «Не вскрывать. Отдать в руки Витьке». Какое-то время молодой человек не решался открыть его, а просто смотрел в никуда, мысли витали в прошлом. Смерть не касалась до этого момента тех, кто был дорог, поэтому уход этого радушного старичка, с которым он провел столь много времени, ранил очень глубоко. Вздохнув, он оторвал осторожно полоску по короткой стороне конверта, чтобы не задеть содержимое, и вытащил тетрадный листок, исписанный карандашом:

Дочитав последние строки, молодой человек уткнулся лицом в письмо и наконец заплакал. Ярый противник такого проявления чувств, тогда он не мог остановить скопившийся поток боли, желавшей вырваться наружу. Почему вообще все свалилось в один момент? Смерть дорого человека, которому вроде и мог помочь, да только ума не хватило понять, как именно, наиглупейшая травма, потеря мечты, которую уже вроде бы завернутую в подарочной упаковке держал в руках, нытье родителей, не способных даже постараться почувствовать боль родного сына, – все это висело тяжелым грузом на плечах еще не до конца повзрослевшего юноши.

Так и сидел он около двух часов на поваленном дереве и жалел себя любимого. Слабость, спрятанная столь глубоко за постоянными успехами и похвалами, пробилась наружу. После того месяца ему так и не удалось вновь в полной мере обрести себя, оставалось прятаться за масками, а их, в его арсенале скопится достаточно.

Дальше все завертелось с необычайной скоростью, даже сам Витька отмечал потом, что смена кадров была колоссальной. После возвращения из леса, он заявил родителям о намерении в скором времени вернуться в город, но детально план не посвящал. А идея была вполне простой – поступить в городе в педагогический университет на учителя истории, заселиться в местное общежитие, потом как-нибудь само решится, главное – первый шаг сделать.

Через неделю, расковыряв предварительно гипс до колена, чтобы удобнее было идти, молодой человек через лес с багажом и на костылях направился за новой мечтой, которая пока в его голове оставалась слишком уж абстрактной. На все уговоры родителей сопроводить в дороге отвечал категорическим отказом, ибо уже совсем взрослый, сам справится. В городе договорился с тетей некоторое время пожить у нее до поступления, взамен обещал заниматься с племянником математикой, поскольку уж больно по ней мальчишка не успевал в школе. Витька жил на свои деньги, отложенные еще до поступления в училище, не сидел на чужой шее.

Экзамены все сдал успешно, поэтому в конце августа уви-

дел свою фамилию в списках поступивших. Нога практически зажила, уже редко беспокоила, поэтому оформление всех документов с беготней по городу для получения нужных справок на заселение не доставило дискомфорта. Стипендию обещали неплохую по тем деньгам, а это, в свою очередь, закрывало пунктик, беспокоивший больше всего, поскольку жаждал полной материальной независимости. Именно в период жизни в общежитии и сделает маленькую рамку 10*10 см для десяти копеек, полученных от деда Агапа.

В учебный процесс шустрый и восприимчивый Витя влился крайне быстро, к тому же, еще не поросла в душе бурьяном дисциплина, выработанная в летном училище. Единственное, явно бросающееся в глаза отличие, – совершенно иная атмосфера внутри групп, меньше напряжения что ли. В общежитии к нему подселили двух других студентов, поступивших на первый курс в этот же университет, но один планировал стал учителем математики, а другой – бухгалтером, благо профиль учебного заведения позволял.

На удивление, ребята быстро наладили контакт. Таким образом, судьба собрала в одном блоке сразу трех абсолютно разных по характеру и внешности студентов. Витька с его выправкой летчика и прилежно зачесанными назад русыми волосами, предпочитающий больше наблюдать, нежели говорить, выполнял роль старшего. Именно он контролировал, чтобы все по очереди не забывали убираться, дабы не утонуть в пыли и мусоре, приучен же к чистоте и порядку был

еще с детства, а возраст и летное училище намертво закрепили в его голове привычки. За свои девятнадцать лет ему не доводилось еще ни разу по-настоящему влюбляться, так, только пару раз целовался в деревни с местными девчонками, но Витька к ним особых чувств не питал, видел в этом лишь эксперимент с целью получения опыта, из-за чего при общении с прекрасным полом оставался стеснительным.

Сашка же, сосед по комнате, поступил на бухгалтера. Он был практически полной противоположностью Витьки, хоть и одна черта характера была схожей – оба любили порядок, но в менее навязчивой форме. Ему было уже двадцать лет, за плечами – корочка о профессии бухгалтера, только из училища. По распределению попал в этот город после окончания, где и получил должность по своему направлению, так сказать, отдавал долг государству. Поступил на вышку, чтобы затем больше возможностей получить на работе.

Своей обаятельной улыбкой с легкостью влюблял в себя девушек, поэтому, чего греха таить, умело пользовался полученным расположением. Конечно, замуж после близости звать не спешил, но как-то и расставаться умудрялся на хорошей ноте. Александр не был максималистом, да и свободу ценил, из-за чего вступать в узы брака не планировал, мол, рано еще, не нагулялся. От родителей ему достались лучшие их черты внешности: от отца – мужественный прямой нос с небольшой горбинкой, светло-русые волосы, которые делали его похожим на принцев из сказок, единственное – целое

испытание было их уложить, но со временем Сашка привык пользоваться мылом для создания идеально зачесанной копны; от матери – серо-голубые глаза, длинные ресницы и высокие скулы. Так что, практически получилась отечественная версия Ален Делона. Что касается учебы, то был серднячком, перебивался с тройки на четверку когда-то – за счет своих знаний, иногда – благодаря умению мастерски списывать.

Очередь дошла и до Савелия, которого полным именем называли только преподаватели на парах, а так – Савка, или Совок (еще в школе смог привыкнуть к не самому лестному прозвище, поэтому даже не обижался). Ему претил порядок, причем выражалось это не только в уходе за комнатой и поддержании убранным рабочего места, но и во внешнем виде. Черная пышная шевелюра всегда была всклокочена, ведь именно в нее запускалась рука, когда его занимала какая-то сложная задача, а для человека, обожавшего математику, такая поза являлась неотъемлемой частью мыслительного процесса. Рубашки Савелий носил всегда на пару размеров больше, чтобы ничего не стесняло движений, причем чаще не застегивал на крайние две пуговицы. Гладить он не любил, из-за чего стрелок сыскать на брюках не смогли бы даже именитые детективы, но и вещи старался выжимать аккуратно после стирки с целью минимизации количества складок.

На момент поступления в университет Савелию только

исполнилось восемнадцать лет. Обычно математики по темпераменту флегматики, но Савка с детства был яркой, незаурядной личностью. Отменное чувство юмора и врожденная эмпатия делали его всегда душой компании. С одинаковой легкостью мог и развеселить, и поддержать, и, если нужно, побранить для поднятия духа товарищей. Да и в разные переделки периодически втягивал друзей, не всегда с хорошим концом. Несмотря на немного ветреный характер, с учебой проблем никогда не было: фотографическая память помогала быстро осиливать большой объем информации, а хорошо развитое аналитическое мышление служило отличным подспорьем на математике и физике.

Вот с такой компанией и довелось жить Витьке. Тогда он еще и представить не мог, насколько важной для него станет их дружба. Много лет спустя, будучи стариком, когда уже ни Сашки, ни Савелия не будет в живых, все еще будет слышать эхо из их общего прошлого, а тогда постепенно старался обвыкнуться с новым окружением и местом, где предстояло засыпать каждый день больше двух лет.

> «Витька, если читаешь сей письмо, значит, уже помер. Не переживай особо, такое случается, поэтому был готов, да и пора давно уж было на тот свет отчаливать. Начиркать решил тебе после той нашей встречи, когда сидел у меня и восхищенно рассказывал про свою учебу. Знал бы, как радовался, еле слезы сдерживал, хотя негоже мужикам реветь.
>
> Ты мне вместо внука стал, или даже сына. Не завел

в свое время семьи, куда мне калеке, вот и промаялся всю жизнь один. Радость все же на старости лет и в дом старика заглянула. Бог послал неугомонного мальчугана, носящегося словно ветер, в помощь. Каждый раз радовался, когда заглядывал ко мне, прямо на душе светло становилось. Думаю, молодые просто ярче светят, поэтому к ним и тянутся пожилые, чтобы в темноте не сгинуть, свой-то огонек – тю-тю.

Знаешь, Витька, ты, будь добр, проживи свой век достойно, чтобы моя отданная нога и жизнь окупились. И пускай рядом всегда будут те, ради кого стоит биться с любой непогодой.

Агап Федорович».

Глава 4. Апгрейд статуса самостоятельности

Перед тем как безвозвратно покинуть родительское гнездо, Оксана методично проштудировала местные газеты с объявлениями, чтобы уж, если доведется гордо хлопнуть дверью, то уйти не в пустоту с ночевками на вокзале, а спать в теплой квартире. Тут тетушка Фортуна помогла девушке: молодая пара сдавала полученную в наследство уютную однушку, расположенную в десяти минутах ходьбы от университета. По телефону она договорилась с ними на просмотр, а уже при встрече обсудили стоимость и нюансы по коммуналке. Сумма вполне ее устроила, на первые полгода хватало отложенных за всю жизнь денег, а дальше – время покажет. Внесла небольшую предоплату и договорилась с хозяевами, что в течение недели все же заселится.

Нужно было дождаться предлога, а то на пустом месте даже как-то неэтично сбегать из дома. Тогда она еще не ощущала себя полноценным взрослым человек, поскольку привыкла, что за нее все решают родители. Банальная покупка одежды иногда выливалась в перепалку между матерью и дочерью, если первой категорически не нравился выбранный наряд, из-за чего Оксана, наученная горьким опытом в детстве, просто соглашалась и отказывалась от вещи. Это

позволяло слушать меньше нытья и упреков в свою сторону. Вот и в ситуации с квартирой боялась спасовать, отступиться и продолжить тянуть лямку, все сильнее замыкаясь.

Пришлось делать ставки на эффект неожиданности и ждать очередной раз, когда мать начнет жаловаться на всю квартиру, как тяжела их судьба с отцом (который совершенно был не согласен с этим, но предпочитал молчать), что их непременно ждет одинокая старость, поскольку воспитали эгоистку. Даже внуков не в состоянии подарить, неужели многого просят (излюбленной была привычка говорить за двоих, ведь муж гарантированно думал аналогично). В графике проводимых лекций Оксана не сомневалась, поэтому точно понимала, что уложится в отведенную неделю.

Такой решительности и продуманности, как в дни перед уходом, она за собой никогда не замечала. Специально заранее, сидя на парах и слушая вполуха, составила список вещей, которые точно нельзя забыть. Именно с них и начала свои подпольные сборы в тот же вечер. Небольшую часть оставила на видном месте, чтобы во время очередного скандала быстро все покидать и не вызвать подозрение заранее подготовленного побега. Ждать долго не пришлось, уже на следующей день мать завела любимую песню, развязав тем самым Оксане руки. Девушка твердо заявила: «ХВАТИТ! Больше здесь я жить не намерена, сейчас же собираю вещи и ухожу!», чем повергла в полный шок уже распалившуюся родительницу. Отец же, человек мудрый и рассуди-

тельный, тихонько порадовался в душе за дочь, которая наконец созрела для самостоятельной жизни, не слушать же ей вечно понукания, но виду не подал, дабы не обострять и без того накаленную обстановку.

Девушка тяжело дышала, адреналин переполнял, даже чувствовала, как на висках пульсируют венки. Нужно все сделать быстро, нельзя было дождаться этапа уговоров, иначе точно не сможет переступить порог этого дома. Вся процедура до момента громкого хлопка дверью заняла от силы восемь минут. Потом она, перескакивая через ступеньку, как привыкла делать в спешке, спустилась вниз, и ее лица коснулся теплый майский воздух. На ее глазах стояли слезы. Да, она справилась. Ни угрызений совести, ни желания вернуться обратно, лишь облегчение. Накинув на плечо ремешок сумки, которая все же была тяжеленькой, девушка отправилась по залитому светом фонарей тротуару к новой жизни.

В тот день Оксану никто не остановил, да и не собирался. Отец поддерживал решение дочери, пора уже ей было начинать самостоятельную жизнь, тем более, с ее рациональностью на улице точно не останется ночевать. Да и вообще, сразу раскусил план, поскольку заметил, как быстро она собралась и слиняла в темноту. Супруга же испытала смешанные чувства: во-первых, ее кольнула в самое сердце обида за то, что девушка посмела проявить характер, значит, нервы и время на наставления потрачены впустую; во-вторых, в ее разуме начало прорастать зерно гордости за дочь. Един-

ственная мысль, в которой муж и жена сходились, – девушка ушла в подготовленное место. Они практически не разговаривали в тот вечер, лишь перекинулись парой штатных фраз.

Уход Оксаны спровоцировал в голове матери огромное количество размышлений, многие из которых обличали злоупотребление родительскими обязанностями. Изменения в отношении к своим поступкам не произошло за один день, извольте, так бывает только в фильмах, где все ограничены экранным временем, нет, на это ушли месяца, да и потом, много лет спустя, несмотря на старания сдерживать порывы при общении с дочерью, периодами проскакивали старые мотивы. Женщина увидела, пролистывая память, как жестоко вела себя, когда Оксана делала попытки проявлять самостоятельность. Гиперопека, призванная защитить ребенка от ошибок, сковала потенциал, сделав вольного человека заложником родного дома.

Ведь в ее детстве не было такого, да и кто стал бы излишне контролировать в деревне, когда у каждого члена семьи был ворох забот, причем нескончаемый. Тут же девочку ограждали от всего: подходить к газовой плите нельзя, а то еще выключить забудет, весь дом на воздух взлетит; нельзя одной в магазин ходить, вдруг машина собьет или кто решит украсть; нельзя ездить с классом в поездки, ненароком отстанет от группы, и все, потеряется с концами. Эти «нельзя» из жизни Оксаны можно перечислять до бесконечности. Конечно, мать убеждала себя, что все правильно делала, как без

такой заботы уберечь ребенка, которого столь сильно любила, однако самообман бесполезен для раненых людей, и женщина прекрасно понимала степень нанесенного ущерба.

Спустя пару дней после ухода дочери, она все же решилась на откровенный разговор с мужем, ей просто необходимо было его мнение. Вечером, когда он вернулся с работы и разместился на диване посмотреть телевизор, женщина подсела к нему и виноватым голосом спросила:

– Ты считаешь меня плохой матерью?

Муж, вполне ожидавший этого диалога, нежно посмотрел на супругу, которую, несмотря на склочный, эгоистичный характер, все еще любил.

– Не самой, конечно, идеальной, но таковых и не существует.

– Знаешь, как сильно за нее переживаю… Много чего передумала за последние дни, и аж тошно от себя стало. Бывает, вроде хочешь как лучше, а получается, ну, ты понял. Диктатор в юбке прямо. Раньше ведь такой не была…

– Не была. Думаю, на тебе сказался выкидыш, ты потом вся не своя ходила, а Оксанке как раз пять лет было, вот, и все свое внимание на нее переключила, чтобы отвлечься. А дальше страхи начали навязчиво мелькать в голове, будто и дочь потерять можем. К тому же, привычка все контролировать дала о себе знать, поэтому все и вылилось в тоталитарный режим воспитания. Пойми, каждый по-своему горе переживает: некоторые пить начинают от безысходно-

сти, другие же – с головой в работу уходят, ты же выбрала иную дорожку. Не переживай особо, все с ней будет пучком, явно не на вокзале ночует. Я вчера звонил, уже устроилась на съемной квартире, чистенько и уютно, денег хватает, – успокаивающе добавил супруг.

– А чего ж не сказал? Места себе не нахожу, а он в молчанку играет.

– Иначе бы не осмыслила ситуацию, понеслась бы к ней права качать. Дочери двадцать лет, поди, сама разберется, как жизнью распорядиться, у нас в этом возрасте уже шкода была, орущая по ночам, и ничего, справились как-то. Не лишай Оксанку впечатлений, иначе потом настолько разругаетесь, что и на похороны не придет.

– Тебе все шуточки. Хотя прости, ты, наверное, прав. Недавно пришла в голову ассоциация, будто я танк, который прет всегда напролом, не замечая никакие препятствия, в том числе чувства окружающих. Блин, не помню, кто сказал… Эмммм… Точно, Энцо Феррари вроде: «В мире существует два мнения: мое и неправильное». Вот, кажется, последние лет двадцать в своей жизни и руководствовалась таким девизом, – с грустной улыбкой ответила жена.

Видно было, подобные откровения даются ей с трудом, да и кому просто признавать себя неправым. Столько лет в душе этой заботливой, но не знающей личных границ, женщины существовала высокая стена, выстраиваемая годами, что лишь уход дочери в самостоятельную жизнь подмыл фун-

дамент, и кое-где начали выпадать кирпичики ошибочных убеждений, и в образовавшиеся прорехи смогли пробраться лучи реальности: Оксана уже совсем большая.

Она так и сидела на диване рядом с мужем, глядя куда-то в пустоту, а по лицу одна за другой катились слезы. Мужчина взял любимую за руку, пропустив свои пальцы через ее, и ободряюще сказал:

– Винить себя уже бессмысленно. Детство смогли дать вполне счастливое, не в чем не нуждалась. Соглашусь, перегнули палку с опекой. Что ж на одном месте топтаться вечно? Думаю, с ее отходчивым характером быстро простит, главное, пока поменьше лезть к Оксанке, пускай сама организовывает быт. Если помощь понадобится, то обратится. Постесняется нас, точно к бабушке с дедушкой на консилиум по жалобам поедет.

– А ты им говорил, что она из дома ретировалась?

– Оксанка к ним заезжала вчера, но не жаловалась, просто рассказала о решении съехать. Описала квартиру, похвалилась, подольше теперь спать сможет, поскольку до университета десять минут ходьбы, – гордо поведал муж, а потом хитро добавил: – Вообще, тут рядом мужчина в самом расцвете сил, нуждающийся в ласке и заботе, поэтому нечего киснуть, мы молодые еще, самое время для себя пожить. Птенчика из гнезда выпустили, теперь можем снаряжаться в полет: как вариант, ввиду отсутствия в былые времена всяких там «медовых месяцев», думаю, хорошим решением станет

наверстывание упущенного. Маркиза, составите компанию в незабываемом путешествии?

Оба захохотали от произнесенного монолога. Такой эмоциональной близости между ними не было уже много лет, словно отвечающий за романтику механизм вышел из строя. В тот вечер, поддавшись на уговоры мужа, женщина все же согласилась на совместное путешествие длиною в месяц, оставалось только определиться с местом.

Что же касается Оксаны, то она постепенно вливалась в новый режим, резко добавивший обязанностей. Увы, никто ни закинет вместо тебя одежду в стиральную машинку, ни приготовит вкусный рацион на день, и уж вряд ли пыль самоликвидируется. Кулинарными талантами девушка не обладала, поэтому первую неделю бегала к бабушке и дедушке за провизией, иногда просила продиктовать рецепты, чтобы попытать удачу самой приготовить. Именно в те времена, когда только начинала самостоятельную жизнь, она нашла палочку-выручалочку в еде. Если точнее, подсказали друзья из университета, обитавшие в общежитии и умевшие из минимума продуктов сотворить шедевр на неделю. Так вот, все было до жути элементарно, но крайне сытно: Оксану научили готовить макароны с тушенкой. Какая же вкуснятина получалась из столь маленького набора ингредиентов. Даже спустя много лет, когда девушка улучшит свои навыки и освоит иные блюда, раз в две недели неизменно в магазине рука будет тянуться к заветной жестяной баночке, покупка

которой предвещала получение гастрономического удовольствия. Периодически ела ее прямо ложкой, оставляя совсем чуть-чуть для макарон. Если лень было стоять у плиты, то просто покупала шаурму с курицей в местном киоске, облюбованном студентами с вечно голодными глазами.

К обстановке в квартире Оксана не шибко сильно придиралась, лишь бы не на полу спать. Однушка представляла собой классический пример советского ремонта, при этом неплохо сохранившегося. Главной дизайнерской фишкой подобных интерьеров всегда были ковры. У кого дома не было знаменитых пылесборников, находившихся не только на полу, но и висевших порой на стене. Каждый второй ребенок в СССР засыпал, считая треугольники или цветочки на изобилующем пестрыми деталями ковре. Эта прелесть и стала бонусом при аренде квартиры.

Вместо кровати стоял удобный диван, который выглядел самым новым среди остальной мебели. Его, как оказалось потом, хозяева покупали с рук специально для нового жильца, поскольку старая узкая кровать была совершенно в плачевном состоянии. Обои в цветочек, уложенный елочкой паркет, лак с которого местами давно стерся, пожелтевшая люстра и платяной шкаф, потрепанный по углам когтями кошки, – все это каждое утро лицезрела Оксана при пробуждении, пока не занялась небольшими переделками.

Более бодро выглядела кухня с белым гарнитуром, не успевшим еще угаснуть от лучей солнца. Холодильник

«ЗИЛ-Москва», прочности лакокрасочного покрытия которого мог бы позавидовать любой автомобилист, работал как часы. Конечно, намерзало там знатно, из-за чего приходилось регулярно проводить разморозки. Квадратный стол с ящичком для столовых приборов да две табуретки с обтянутыми поролоном и синей тканью сиденьями. На окнах что в комнате, что на кухне висела узорчатая тюль, немного посеревшая от времени.

Колоритно выглядел санузел с сохранившимся там высоким бочком, закрепленным на стене. Чтобы удалить отходы своей жизнедеятельности, необходимо было дернуть за красный шарик, висевший на цепочке. Когда девушка впервые увидела всю эту систему, ей почему-то вспомнился фрагмент из мультика «Винни-Пух и день забот», когда забавный мишка обнаружил хвостик Иа пристроенным к колокольчику у домика Совы. Такая ассоциация веселила девушку. В помещении еще была ванна практически в первозданном виде без сколов и желтизны, небольшая раковина, смеситель с душем и длинным изливом, а также круглое зеркало.

В общем, квартира выглядела скромно, но крайне уютно. Видимо, предыдущие хозяева отличались чистоплотностью и аккуратностью, поскольку все предметы интерьера, несмотря на преклонный возраст, оставались ухоженными за исключением зон нападения четырехлапого бандита, но подобные мелочи нисколько не ухудшили общее впечат-

ление, сложившееся у Оксаны.

Огромным преимуществом при выборе квартиры для девушки стало наличие балкона с восхитительным видом на двор. Ей нравилось наблюдать с четвертого этажа за движением жизни внизу. Однажды вообще произошла удивительная история: их небольшой городок московские киношники выбрали для нескольких эпизодов, больно их заинтересовал атмосферный старый фонд, вот и заложили четыре съемочных дня в план. Одна из сцен как раз разворачивалась под окнами Оксаны, но выглядывать жильцам не разрешалось, чтобы не попасть в объектив камеры, однако любопытная девушка все равно осторожно подглядывала за процессом через шторы. Для массовки даже были задействованы несколько местных жителей. Один большой минус во всей сложившейся ситуации заключался в том, что из-за долгих съемок не всегда легко удавалось покинуть подъезд, приходилось подстраиваться под перерывы между дублями. Долго потом еще жители двора обсуждали событие такого масштаба. Больше ничего знаменательного под окнами съемной квартиры не происходило, лишь пару раз завязывались местные разборки в малость перебравших компаниях.

Несомненно, за долгие десять лет, пока девушка обитала в этом месте, в жизни произошло множество событий, как радостных, так и не очень, однако уютная однушка навсегда заняла местечко в ее сердце. Периодически на нее нападало настроение творить, тогда апгрейдила все вокруг. Повез-

ло с хозяевами, лояльно относящимися к большинству дизайнерских идей Оксаны, даже уменьшали арендную плату на аналогичную затраченной сумме часть, ведь самим некогда было заниматься ремонтом и меблировкой, а адекватный взгляд на жизнь позволял оценить моральное и физическое устаревание многого в квартире. Так, неугомонная девушка переклеила обои, все же заменила унитаз вместе с бочком, обновила покраску на дверях, вместо табуреток, отправившихся на выброс, купила два стула на деревянном каркасе, но с мягким сиденьем, приобрела плоский телевизор, удобно расположившийся на комоде.

После расставания с Сашей, своим вторым молодым человеком, Оксана задумалась над темой одиночества, которое остро ощущала, засыпая одна. Верных друзей на всю жизнь так и не завела, да и не особо доверяла людям, поэтому пришла в голову мысль завести домашнее животное. Кошка, собака, хомячок? Вроде и забавная затея, да только дома не бывала целыми днями из-за работы, питомец со скуки помер бы в четырех стенах. Пришлось искать альтернативный вариант, и, о чудо, в один из дней, гуляя по магазину с товарами для творчества, увидела полку с гипсовыми античными бюстами. Не прошло и пары минут, как на кассе ей выбивали чек на голову Давида, ставшего впоследствии лучшим слушателем, хранившим все секреты.

Кто-то подумает, что Оксана сошла с ума, нужно общаться с живыми людьми, они и совет дадут, и по плечу по-

гладят. Да только советов этих зачастую никто не просит. К тому же, Давид не мог ее осудить, за это и ценила безмолвный бюст. Как же порой подобного качества не хватает другим, излишне говорливым представителям человеческого рода. Да и не хотелось надоедать своими жалобами окружающим. Она понимала, что просто разговаривала сама с собой, переносила внутреннего слушателя в материальный объект, но ощущение присутствия кого-то рядом помогало быстро успокоиться или найти решение, если требовалось. Нет, Оксана не стала местной барышней со странностями, беседующей на улице с вымышленными личностями, границей диалогов (монологов) оставались стены квартиры.

Даже двое последующих отношений не изменили привычки делиться с бюстом всеми событиями, только делала это без слов, в своей голове, дабы не искушать судьбу, а то ненароком благоверные могли определить в психушку. Вообще много лет спустя она проанализировала причинно-следственные связи, побудившие общаться с куском гипса и пришла в очередной раз к выводу, что ноги растут из детства, где доверие было непозволительной роскошью. Могла пожаловаться лишь дедушке, от которого и получала поддержку, но здоровье у него уже не то было, смысл лишний раз волновать по мелочам.

Не бывала же девушка часто дома из-за любимой работы. Все знакомые, узнавая о сфере деятельности, только открывали рот от удивления. Разве нормально для красивой

молодой женщины сутки напролет крутить баранку? Для Оксаны же такси стало отдушиной, хоть где-то чувствовала себя профессионалом. Полное отсутствие предубеждений и время закалили характер, позволив с ухмылкой реагировать на любые выпады, даже составила топ любимых выражений, услышанных в свой адрес: «Женщина за рулем, как обезьяна с гранатой», «Детей иди рожай, нечего тут клиентов переманивать», «Научись сначала водить, а потом шашки ставь на машину» и тд. Ох, сколько лестных отзывов она слышала за восемь лет работы в такси, причем не от пассажиров, а именно от мужчин-таксистов, считавших дорогу исключительно своей вотчиной.

В двадцать два года девушка закончила университет, став официально профессионалом в управлении персоналом (примерно это гласил красный диплом), но работать в этой сфере ей абсолютно не хотелось, закончила лишь по причине, что жалко стало бросать начатое, а поступила – из-за настояний матери, убежденной в призвании дочери руководить людьми. Вообще, со второго курса Оксана начала подрабатывать, надо же было как-то кормиться, раз решила уплыть в самостоятельную жизнь и не просить ничьей помощи. Мониторила объявления долго, ходила по собеседованиям: все поголовно хотели специалиста с опытом работы, но где ж его взять, если только до середины догрызла гранит науки. Да и на полный день не могла выходить из-за пар, а это сразу сокращало количество вариантов вдвое.

Найти же подходящее место удалось лишь через полгода, когда уже начала терять надежду, а накопления постепенно заканчивались. Перерыв Интернет и проштудировав с десяток газет, Оксана-таки смогла найти нечто релевантное: в местное издательство требовался помощник редактора с частичной занятостью. Работа, по большей части, включала в себя не такие и сложные обязанности: отвезти/привезти документы с подписью, забрать с почты посылки, сбегать за банкой кофе для спасения засиживающихся до глубокой ночи сотрудников и еще несколько в этом духе дел. Занятость была не больше четырех часов в день, поэтому вакансия идеально подходила, оставалось только записаться на собеседование и успешно пройти его.

Ввиду отсутствия длинных очередей на вакансию с достаточно скромным вознаграждением Оксана сразу получила одобрение от милой, но вечно отвлекающейся на телефонные разговоры женщины лет тридцати пяти. Инструктаж по обязанностям провели быстро, заодно показав все закоулки в издательстве, на следующей день только оставалось приехать в отдел кадров для подписания договора. Так девушка и попала на первое в своей жизни рабочее место, ставшее практически на четыре года вторым домом.

Первое время совмещать с учебой не всегда получалось без ущерба успеваемости, через пару же месяцев полностью освоилась с ритмом. Единственное, из-за позднего отхода ко сну вставать по будильнику становилось с каждым днем

сложнее, поэтому маячившие на горизонте праздничные дни или летние каникулы помогали не падать духом. Бывали случаи, когда прогуливала пары, но чаще всего только те, которые «официально», без ущерба оценкам позволялось, да и понимающих преподавателей много встречалось, сами такое в молодости проходили.

В издательстве с возложенными обязанностями Оксана легко справлялась, схватывала на лету любую информацию, из-за чего порой выполняла больший объем работ, чем оговаривали изначально при подписании договора. Несмотря на это, постоянная беготня приносила только удовольствие, да и выгорание при такой занятости не светило. Проработала в статусе парт-таймера больше года, когда начальница вызвала ее в свой кабинет на разговор:

– Оксана добрый день. Проходите, присаживайтесь.

– Добрый день, – печально поздоровалась девушка, усаживаясь в одно из кресел у большого дубового стола.

Она уже ждала, что ей сообщат об увольнении, поскольку за все время работы в издательстве ни разу не вызывали на ковер. Гипотезы одна за другой возникали в голове, пока шла по длинному коридору до кабинета, и все не отличались позитивным содержанием, поэтому и была поникшей, представляя очередные круги ада по поиску нового места.

– Да расслабьтесь, ругать и уж, тем более, увольнять не собираюсь, – словно считав мысли, сказала женщина, потом добавила: – В общем, вот по какому поводу сегодня позвала

Вас. Работаете больше года, редактор не жалуется на качество исполнения обязанностей, скажу по секрету, даже хвалит за хватку, поэтому и заинтересовалась за столь лестные отзывы. Думаю, не планируете на побегушках тут оставаться, поэтому и хотела бы предложить повышение с испытательным сроком, зарплата увеличится процентов на тридцать, но… вакансия на полный рабочий день, и обязанностей прибавится пропорционально. Слышали же, что основная помощница редактора уходит в декрет? Вот, рассматриваем Вас, Оксана, на ее тепленькое место.

– Эммм, предложение заманчивое, конечно, однако на полный рабочий день не получится, поскольку пары с утра стоят, а прогуливать постоянно не могу, выгонят поганой метлой из универа, – смеясь ответила девушка, уже расслабившись после неоправданных накручиваний.

На лице женщины появилось задумчивое выражение лица. На пару минут в помещении повисла полнейшая тишина, Оксана даже подумала, что про ее присутствие забыли, поэтому пока рассматривала кабинет, в котором сидела впервые. Большой дубовый стол, стулья из того же дерева с кожаными сидениями, высокие окна с бардовыми портьерами и книжные полки напротив, занимавшие целую стену, – все это создавало ощущение, будто находится в одной из английских библиотек, фотографии которых видела в Интернете много раз. Только ноутбук и белая кружка с надписью «FRIENDS», где между каждой буквой стояла цветная точ-

ка, выбивались из общего вида. Начальница заметила взгляд девушки и с улыбкой заговорила:

– Мой любимый сериал, в оригинале даже смотрела. Как увидела их мерч, как представила на рабочем столе, сразу ностальгия накрыла, поэтому не смогла удержаться. Мне тут пришла одна идейка насчет Вас. Компьютер или ноутбук дома имеется?

– Да, конечно, и Интернет подключен, – растерянно ответила Оксана.

– Прекрасно! Можем попробовать протестировать новый формат работы: задания получать будете здесь с полным описанием от редактора и указанием сроков, выполнять же – дома. Сразу скажу, идея не вау, контролировать сложнее, но если справитесь и после месяца такого режима не решите слиться, то и продолжите в том же духе. Важно лишь грамотно время распределить на объем. Просьба не филонить, синекуры нам не нужны, поэтому уповаю на Вашу ответственность и благоразумность. Что думаете?

– Если честно, пока не могу поверить своим ушам… Просто шок, да, согласна, разве от такого отказываются.

Девушка чуть ли не пищала от восторга, голова шла кругом от радости. Работать в таком режиме должна была начать с новой недели, пока же время взяли на формальности: подготовить почву для адаптации сотрудника и материалы для удаленной работы. Знала бы она, насколько сложным и тернистым окажется путь основного помощника редакто-

ра, трижды подумала, а надо ли, но в тот момент сердце переполнялось гордостью и благодарностью.

Спустил же ее на землю объем работ, который приходилось выполнять. Оксана работала вечерами, ложась часто на заждавшийся диван с восходом солнца, про выходные и речи не шло, большая часть заданий оставалась именно ни них. Постоянно приходящие на почту материалы с четко сформулированными задачами сводили с ума: то перепроверить документы, то сделать повторную вычитку, то сформировать рецензию. В конце дня жутко болели ноги от постоянного сидения, девушке даже иногда казалось, будто при вставании слышит скрип. Шея и спина затекали от согбенного положения, глаза уставали настолько, что порой не удавалось навести фокус пару минут. Спасало лишь воспитанное упорство с детства, да и материальный аспект давил, не давая бросить. Страх остаться без денег и вернуться в родительский дом приводил в ужас.

Цена этому всему – полнейшая апатия. По утрам она открывала глаза, глядела в потолок и не слышала ни одной мотивирующей мысли в своей голове, ни одного желания. Огромная, зияющая пустота, полное отсутствие сил, чтобы поднять тело. Слезы катились по лицу, оставляя мокрые пятна на подушке, но их никто не вытирал. Нервы сдавали, со всеми бывает, взрослая жизнь же… Не покидало чувство, будто в реальном мире тоже есть дементоры, вытягивающие все светлые эмоции.

К концу учебного года девушка была словно выжатый лимон, каникулы хотя бы давали возможность выделять время на отдых. Часто, сидя на балконе с кружкой кофе, Оксана думала о своей жизни. Она не понимала, зачем все делает, для чего или, точнее, для кого подобные титанические усилия. Копаясь в памяти, пыталась найти момент, отправную точку, когда возненавидела работу, увы, безуспешно. Пески затягивали плавно. В итоге приходила к выводу: так многие живут, смысл роптать. Надо просто закинуться очередной порцией аффирмаций из Интернета – как раз подлатают на время.

Игнорировала девушка не только голос разума, но и уговоры молодого человека, предлагавшего сменить сферу деятельности. Постепенно в отношениях чаще стали возникать недопонимания, а ввиду отсутствия времени на обсуждения, обиды замалчивались и копились. Девушку раздражал и тот факт, что Саша не делает ей предложение, поэтому Оксана стала постепенно готовить себя к разрыву. Так и случилось, после двух лет решили расстаться друзьями (практически, во всяком случае, кукол вуду не делала, времени на них катастрофически не хватало).

Навалившиеся проблемы еще больше подкосили и без того хрупкий эмоциональный фон. Девушка реже стала улыбаться, а на слезу прорывало практически каждый день. Ей непривычно было видеть в комнате сложенным диван, да и спать хуже стала по ночам, ворочалась по несколько часов. Единственным спасением в тот сложный период оста-

валась работа, занимавшая теперь еще большую часть жизни. Аналогичного уровня производительности в издательстве не смогли бы сыскать ни у кого. Оксана обрабатывала огромные массивы информации, причем с минимальным количеством ошибок. Благодаря колоссальной нагрузке могла не думать о сложностях в личной жизни, хотя, как можно говорить о трудностях в том, чего нет.

Уже будучи пожилой леди, Оксана никак не могла понять, откуда черпала энергию в эти сложнейшие четыре года. Несмотря на убийственный режим, даже смогла написать и защитить диплом. В те времена у девушки не было даже времени банально похвалить себя за достижения, лишь постоянное бегство от мучившего страха. Как гласит пословица: «Сколько веревочке не виться, а конец будет», поэтому, да, истощение организма нагнало Оксану. В ту ночь ее мучала дикая головная боль, выпитые две таблетки не давали результата. Проснувшись утром абсолютно эмоционально разбитой с полнейшим отсутствием сил, с еще ноющей головой, она поняла, что это точка невозврата. По щелчку мозг проснулся после четырех лет ежедневной гонки, дав слишком громкий сигнал, не услышать который девушка не смогла: «Увольняйся».

Кое-какие накопления за это время сделала, поэтому полгода беспечной жизни без нужды точно смогла обеспечить, а дальше найдет что-то попроще. Оксана словила себя на мысли, что ни разу не сходила в отпуск за четыре года,

даже никто не предложил в издательстве. Им была выгодна эксплуатация машины, не нуждающейся в остывании, но руководство не осознавало, чем чреват подобный режим. Хотя, нет, просто относились к сотрудникам как к обезличенным расходникам: уйдет этот – заменим новым. Ее не уговаривали остаться, лишь попросили отработать положенные четырнадцать дней. Какое же облегчение девушка испытала, когда поставила свою витиеватую закорючку внизу заявления на увольнение. В голове звучала лишь одна фраза, осевшая в памяти еще в детстве после прочтения книг Джоан Роулинг о Гарри Поттере: «Добби свободен».

Глава 5. От любви до фикуса – один шаг

Уже как год в квартире Лидии Александровны было непривычно тихо. После смерти мужа женщина до сих пор не могла прийти в себя, тоска по прошлому мучила сердце, да еще и эта урна, постоянно напоминавшая об утрате. Вообще ее немного удивляло, почему Леня не оставил никаких рекомендаций по поводу дальнейшей судьбы праха, не попросил даже развеять над каким-нибудь морем, а ей теперь ходи и мучайся. С кладбищем ведь проще, поскольку их располагают чаще всего подальше от жилых зон, добираться туда долго, соответственно, каждый день вряд ли станешь наведываться.

Кто бы что не говорил, но время все равно дает лечебный эффект. Жизнь продолжается, ты адаптируешься лавировать по ней без присутствия некогда близких людей: заботы постепенно затягивают, и уже однажды перед сном с укором ловишь себя на мысли, что не думал о человеке неделю или больше, прокручиваешь в голове самые трогательные моменты с ним и засыпаешь. Потом не замечаешь, как промежутки увеличиваются, и образы становятся более размытыми, будто развивается близорукость памяти. Разрывавшее раньше душу на части теперь причиняет меньше боли.

Случай же Лидии Александровны был осложнен этой злополучной урной, содержимое которой некогда являлось бесконечно любимым мужчиной. Порой так хотелось вновь прижаться к его щетинистой щеке, почувствовать тепло сильной руки, нежно обнимающей за плечо, и просто сидеть рядом, наслаждаясь выстроенной за годы близостью. Вместо этого оставалось лишь довольствоваться любованием на холодный мраморный сосуд, сияющий от лучей солнца, попадающих в окно.

Один и тот же вопрос, появившийся еще в день смерти мужа, навязчиво не давал покоя: зачем Вселенная посылает тех, к кому привязываешься всем сердцем, а потом нагло забирает? Если так хотели преподать урок, то он абсолютно не устраивал Лидию Александровну, слишком уж много лет ей, чтобы учить ценить имеющееся. За все совместно прожитые годы ни разу не жаловалась, отсутствовали причины, наоборот, как могла старалась беречь уют внутри их отношений. В общем, вопрос оставался открытым. Купленная в огромных количествах литература по психологии оказалась бессильна, зато собралась дома маленькая библиотека. Старушка понимала, что многие авторы банально не получали столь глубокие раны, из-за чего анализ проводили поверхностный.

Прошло больше года до момента, когда в голове Лидии Санны оформился конкретный план по дальнейшей судьбе урны с прахом. Заранее стоит отметить: это не резуль-

тат старческой деменции. Она рассудила так: раз посвятили друг другу судьбу при жизни, значит, имеет безоговорочное право решать, как поступить после смерти мужа. Суждено было Лене стать фикусом. Точнее, прикормом для растения, как бы грубо это не звучало. В Интернете старушка долго смотрела варианты того, как поступают в разных странах с прахом умерших, но расставаться с любимым посредством рассыпания над морем или городом считала примитивным. Смешение же с почвой в горшке показалось ей более рациональным, будто появлялся шанс помочь обрести человеку вторую жизнь, но уже в растении. Муж бы точно одобрил, он вообще обожал неординарные поступки, ярким примером как раз служило их знакомство в молодости.

Больше всего времени занял выбор зеленого подопытного, поскольку дома у нее были лишь фиалки и кактусы, а их габариты совершенно не подходили под объем содержимого урны, поэтому пришлось штудировать информацию о всех больших экземплярах, пригодных для домашнего выращивания. Ориентировалась, по большей части, на долголетние с большой корневой системой. Конечно, по таким критериям поисковик выдал несколько вариантов, среди них и был фикус, уж больно величественно выглядел на прикрепленном фото. Старушка еще порадовалась заложенному смыслу в учении фен-шуй, согласно которому растение способно приносить заряд радости и бодрости в квартиру, а как же это было похоже на характер Ленечки, умевшего развеселить

в любой ситуации. Оставалось только отыскать в городе подходящий, не самой же с нуля выращивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.